С НОВЫМ ГОДОМ!
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 1 ЯНВАРЬ 1978

1978

Степан **ЩИПАЧЕВ**

НОЧНЫМИ БЕЛЫМИ СНЕГАМИ

Светло и тихо во Вселенной,
И я читаю звездный код:
Идет в сугробах по колено
Из будущего Новый год.
Он дожидался долго срока
Эпохи целые прошли,
Чтоб он деревья смог потрогать
Метельной северной земли,
Войти в цеха, побыть у домен,
Где плавку в полночь выдают,
И, улыбаясь, в каждом доме
Услышать тосты в честь свою.
Ночными белыми снегами
Успеть всю Землю обойти,
Меридианы под ногами
Не замечая на пути.

Александр **ЖАРОВ**

К ВЕРШИНЕ ВЕКА

Кто сдержит времени лавину,
Кто остановит дней разбег?
Свою победную вершину
Нам приоткрыл
Двадцатый век...
За часом час и день за днем
Туда нас увлекают годы.
Подъем... Привал... Еще подъем —
И встретят солнце
Все народы.
Теперь туда за рядом ряд,
Вдоль Вислы, Одера, Дуная
Разведчики Весны спешат,
Все континенты
Поднимая.
Земля привольна и просторна
Для трудовой семьи людей.
Повсюду
Прорастают зерна
Бессмертных ленинских идей!..
Но где-то
В новогодний вечер,
Листая старый календарь,
Еще играет в чет и нечет
Цивилизованный дикарь.
Он хочет время повернуть,
Беснуется, дыша на ладан.
А мы вперед идем...
Наш путь
В минувшем веке предугадан

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 1 (2634)

1 ЯНВАРЯ 1978

Москва. Кремль. Шестая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ШИРОКИЙ ШАГ РОССИИ

21 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась шестая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва.

Продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили товарищей Ю. В. АНДРОПОВА, В. В. ГРИШИНА, А. А. ГРОМЫКО, А. П. КИРИЛЕНКО, Ф. Д. КУЛАКОВА, К. Т. МАЗУРОВА, А. Я. ПЕЛЬШЕ, Д. Ф. УСТИНОВА, В. В. КУЗНЕЦОВА, Б. Н. ПОНОМАРЕВА, М. С. СОЛОМЕНЦЕВА, К. У. ЧЕРНЕНКО, В. И. ДОЛГИХ, Я. П. РЯБОВА.

В повестке дня сессии вопросы:

1. О задачах Советов народных депутатов Российской Федерации, вытекающих из Конституции СССР, решений октябрьского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС, доклада Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР.
2. О Государственном плане экономического и социального развития РСФСР на 1978 год.
3. О Государственном бюджете РСФСР на 1978 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1976 год.
4. Избрание Верховного суда РСФСР.
5. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

По первому вопросу повестки дня с докладом выступил Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР депутат М. А. ЯСНОВ.

В единодушно принятом постановлении целиком и полностью одобряются новая Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, решения октябрьского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС, положения и выводы, изложенные в докладах товарища Л. И. Брежнева на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР, торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и в речи на декабрьском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС.

С докладом по второму вопросу повестки дня выступил заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР депутат Н. И. МАСЛЕННИКОВ.

С докладом о Государственном бюджете РСФСР на 1978 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1976 год выступил министр финансов республики депутат А. А. БОБРОВНИКОВ.

22 декабря на сессии Верховного Совета РСФСР был единогласно принят Закон о Государственном плане экономического и социального развития РСФСР на 1978 год. Депутаты единогласно утвердили Государственный бюджет республики на 1978 год и приняли Закон о Государственном бюджете на 1978 год. Принято также постановление об утверждении отчета об исполнении Государственного бюджета Российской Федерации за 1976 год.

С докладом по вопросу об избрании Верховного суда РСФСР выступила заместитель Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР депутат О. П. КОЛЧИНА. Депутаты единогласно утвердили состав Верховного суда Российской Федерации. Председателем Верховного суда избран А. К. Орлов.

Сессия рассмотрела вопрос об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР. С докладом выступил секретарь Президиума Верховного Совета Российской Федерации депутат Х. П. НЕШКОВ. Верховный Совет принял соответствующие законы и постановление.

На этом шестая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва завершила работу.

КОГДА

В. Д. ПОСТНИКОВ,
Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, сталевар завода «Электросталь»

Закончился 1977 год — напряженный и радостный. На пороге нового года мы привыкли оглядываться назад, оценивать пройденный путь, чтобы следующий шаг вперед стал шире и уверенней. Ведь каждый прожитый год недостаточно измерять лишь перевернутыми листками календаря в биографии человека, а в делах страны — выращенными пудами пшеницы, построенными домами или — что мне ближе всего — тоннами выплавленного металла. Трудовыми пятилетками, ступенями возмужания своего государства стали отсчитывать время советские люди. Мы, например, говорим: шестьдесят лет, шестидесятилетний юбилей Октября,— но дело-то не в круглых цифрах, а в тех поистине великих делах, которыми до предела заполнились эти годы.

Вот год прошедший — он уже вошел в историю, как год новой Конституции СССР. Были годы становления, борьбы, великих побед — и закономерно, что итогом пришло время, когда народ подытожил шестидесятилетний этап своего роста единым документом, названным Основным Законом Советской страны. И слово народ я произношу здесь на законном основании, потому что как раз мне, частице этого великого целого, именующегося народом, посчастливилось предложить и внести свою строку в Конституцию.

Если бы лет тридцать назад моим родителям — самым рядовым колхозникам глухой деревушки на границе Тульской и Орловской областей — сказали, что их сын внесет свою строку в Конституцию, то родители наверняка бы усомнились. Отец тогда, в сорок седьмом, можно сказать, еще не

На митинге.

ТРУД – РАДОСТЬ

оправился от войны. Помню, рана у него не заживала, я со страхом смотрел по утрам, как он крест-накрест бинтовал себя перед уходом на работу. Колхоз тоже не оправился от войны, и мы, ребятишки, еще помнили ужасы оккупации — по привычке дичились людных мест, собирались в оврагах и пекли на кострах картошку. Школа — в уцелевшей обгорелой избе, до железной дороги — пятьдесят километров пешком, а о будущем думать было просто некогда, потому что работать приходилось наравне со взрослыми и даже больше: взрослых-то не хватало... Пределом моих мечтаний было ремесленное училище. Форменная одежда, столовая, койка в общежитии — что еще надо человеку?

Сейчас я часто встречаю на конференциях, съездах, в президиумах собраний своих сверстников, рабочая жизнь которых начиналась не легче. И когда я предлагал свое дополнение к Конституции, то, может быть, подсознательно говорил от имени своего поколения. Дополнение это, принятое к статье 13 второй главы, вот какое: «Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы». Разве мыслимы у нас благополучие, достаток, само существование без естественной, трудовой основы? Мы, послевоенное поколение, прошли особую школу труда. Во многом, конечно, мы приняли эстафету первых героических пятилеток, но немало пришлось создавать заново. Если в двадцатые годы закалялась сталь характера советского человека, в тридцатых — ковалась наша сила, то сороковые — пятидесятые создали особый сплав труда, знания и творчества.

Это я уже как металлург, профессионально пытаюсь измерить нашу эпоху своими «железными» мерками. А ведь сталеваром я стал, можно сказать, случайно. Правда, теперь я думаю, что в этом была своя закономерность, что тяга какого-то человека к труду уже не могла остаться незамеченной, бесследно раствориться в нашем обществе. Но... Дело было так. Я неплохо закончил в селе семилетку, поработал в колхозе и с семьюдесятью пятью рублями, зашитыми в карман, отправился в Москву: учиться ли дальше, работать ли, на время или насовсем — ничего я тогда толком не знал. В столице меня, конечно, никто не ждал. Само собой, страшно было с непривычки в городе, но не пропал. Как-то ехал я в вагоне пригородного поезда, заснул, а проснулся в городе Электросталь. Вижу — вокруг много парней в форме ремесленников, которая так пленила меня еще в деревне.

— Можно здесь устроиться? — спрашиваю, и меня направляют в училище.

Директор, Иван Васильевич Голубев, стал расспрашивать, кем я хочу стать, а мне все равно — лишь бы общежитие было. «Хотите стать сталеваром?» Я толком и не знал, что это за профессия, но впервые услышанное обращение на «вы» начисто сразило: «Хочу».

Только не надо думать, что дальше все было, как в бытующей порой сказочке: пришел — выучился — стал передовиком. Труд сталевара и сейчас нелегок, а каково тогда приходилось нам, мальчишкам-практикантам? Многие не выдерживали, уходили. Я, честно сказать, только из гордости не ушел. Слышу вокруг — только и разговоров об известных металлургах Николае Бурцеве, Петре Журавлеве, Андрее Рыбушкине. Да, мне они виделись богатырями, но ведь не из другого они в конце концов теста сделаны! Почему я не могу?.. И я старался. Пришло чувство локтя товарища, вера в свои силы, а главное — я каждой своей клеточкой уже принадлежал заводской семье, людям труда. Это словами не объяснишь, это надо почувствовать, что значит сродниться с заводом.

Вот такая деталь: служить мне довелось в морском флоте, перед самой демобилизацией я перенес тяжелую легочную болезнь. На море, хотя и звали, не остался — вернулся на завод. А в цех не берут: врачи категорически возражают. Все сразу навалилось на плечи — болезнь, слабость, беспомощность. Как теперь жить? Почти у проходной меня перехватили старые друзья по цеху: «Стой здесь, жди». Пошли в завком, к директору. Выхлопотали мне подходящее место — работать крановщиком на шихтовом дворе. Там, вверху, воздух чище, больших физических усилий не требуется. Поработал, подучился — стал бригадиром на завалочной машине. И вылечился. Трудом пересилил болезнь! Был у нас заместителем начальника цеха Лактионов Владимир Сергеевич, он на завод с войны на костылях вернулся. И я рядом с ним просто не мог оставаться на спокойной, удобной работе. Как только понял, что сила ко мне вернулась, попросился снова к печи, хотя бы подручным...

Многое вспоминается в новогодние дни. А еще больше думается о будущем. Задач — уйма. В прошедшем году трудились с огромным напряжением сил, старались достойно отметить великие даты, а теперь этот труд принимаем уже за норму, за сто процентов и идем дальше. Так ли это просто? Давно известно и стало привычным слово «эффективность», но сейчас в свете выступления Л. И. Брежнева нам пришлось по-новому задуматься над этими словами. Только весь труд, в каждом его звене, может в комплексе обеспечить эффективное выполнение задачи в целом. Социалистическое соревнование, по-моему, должно охватывать весь цикл производства, быть комплексным — тогда под контролем окажутся все звенья производства.

Я сейчас подумал: может быть, эти рассуждения увели меня от темы наших новогодних планов, от итогов года Конституции? Нет, и за праздничным столом мы говорим о работе. Конституция — мост из вчерашнего дня в завтрашний. А будущее, прошлое и сегодняшний день соединились для советского человека в труде, в этой основе основ нашей жизни.

Фото Г. Розова.

Трактор-юбиляр принимает В. Я. Стенковой.

ТРАКТОР № 10 000 000

«Ваша трудовая победа является ярким свидетельством практического осуществления ленинских идей о социалистическом преобразовании сельского хозяйства, укреплении его материально-технической базы».

Л. БРЕЖНЕВ.

Из приветствия рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям производственных объединений и предприятий тракторной промышленности.

Главный сборочный конвейер Волгоградского тракторного завода. Отсюда 17 июня 1930 года вышел первый трактор.

«Если бы мы могли,— говорил В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) — дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)».

Трактор № 100 000 был собран на Волгоградском тракторном 12 апреля 1934 года.

И вот сегодня на конвейере — десятимиллионный советский трактор!

В Волгоград приехали гости из Минска, Харькова, Челябинска, Кишинева, Липецка, Петрозаводска и других городов. Это лучшие слесари-сборщики тракторостроительных заводов страны, завоевавшие право собрать юбилейную машину.

22 декабря в 10 часов 40 минут началась сборка юбилейного. Геннадий Варфоломеевич Букаев, кавалер ордена Ленина, известный здесь слесарь-сборщик, устанавливает и регулирует рулевое управление машины. Рядом с ним в таком же темпе работают слесарь-сборщик Павлодарского тракторного завода Петр Васильевич Курганков, посланец челябинцев Владимир Иванович Саенко, минчанин Александр Михайлович Лапотентов, Виктор Яковлевич Семенов с Онежского тракторного — 35 лучших мастеров страны стоят сегодня в этом цехе вместе с волгоградцами на ударной трудовой вахте.

Около трех часов обрастал деталями «именинник». И вот уже на его радиаторе засверкала цифра «10 000 000».

Запускается двигатель: «Как часы!» — говорят слесари-сдатчики Владимир Николаевич Верхотуров и Василий Степанович Марчуков. И вот трактор двинулся!

Были, конечно, и аплодисменты, и улыбки, и рукопожатия. Не хватало в цехе только оркестра — он грянул на торжественном митинге, когда ключи от десятимиллионного трактора вручали одному из лучших механизаторов страны, лауреату Государственной премии СССР Владимиру Яковлевичу Стенковому из совхозного объединения «Волго-Дон».

Десятимиллионному предстоит жизнь обычного труженика — будет он пахать и сеять, убирать хлеб, косить сено, возить корма — да мало ли работы у такой машины!

Е. ПЕТРОВ

На торжественном заседании, посвященном славной годовщине.

СОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ — 60 ЛЕТ

РОЖДЕННАЯ ОКТЯ

25 декабря 1917 года трудовой народ Украины под руководством партии Ленина вслед за рабочим классом России провозгласил Украину республикой Советов и в нерушимом союзе народов-братьев добился за 60 лет мощного развития народного хозяйства и духовного расцвета. Праздник четырежды орденоносной Украинской ССР — это общий праздник всей нашей великой и дружной семьи народов СССР.

23 декабря в Киеве состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Украины и Верховного Совета УССР с участием партийных, советских и общественных организаций, представителей трудящихся столицы республики и воинов Советской Армии, посвященное 60-летию провозглашения Советской власти на Украине и образования Украинской Советской Социалистической Республики.

Продолжительными аплодисментами встретили присутствующие членов Политбюро ЦК КПСС **В. В. Гришина, Д. А. Кунаева, Г. В. Романова, В. В. Щербицкого,** кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС **Г. А. Алиева, П. М. Машерова, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева,** первых секретарей ЦК компартий: Грузии — **Э. А. Шеварднадзе,** Литвы — **П. П. Гришкявичуса,** Молдавии — **И. И. Бодюла,** Латвии — **А. Э. Восса,** Киргизии — **Т. У. Усубалиева,** Таджикистана — **Д. Расулова,** Армении — **К. С. Демирчяна,** Туркменистана — **М. Г. Гапурова,** Эстонии — **И. Г. Кэбина,** Председателя Президиума Верховного Совета УССР **А. Ф. Ватченко,** Председателя Совета Министров УССР **А. П. Ляшко.** В президиуме — другие руководители республики, ветераны партии и революции, знатные люди Украины, представители Вооруженных Сил СССР, молодежи.

Торжественное заседание открыл член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий.

Единодушно был избран почетный президиум заседания в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

По поручению Политбюро ЦК КПСС В. В. Щербицкий огласил приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Центральному Комитету Компартии Украины, Президиуму Верховного Совета Украинской ССР и Совету Министров республики, которое участники заседания встретили бурными, продолжительными аплодисментами.

От имени участников торжественного заседания, всего пятидесятимиллионного народа Советской Украины В. В. Щербицкий выразил Центральному Комитету ленинской партии, Президиуму Верховного Совета СССР и Советскому правительству, лично товарищу Л. И. Брежневу горячую благодарность за теплые слова приветствия, за высокую оценку роли украинского народа в революционном движении, его вклада в образование и упрочение

БРЕМ

первого в мире социалистического многонационального государства — Союза Советских Социалистических Республик.

В. В. Щербицкий сказал далее, что Леонид Ильич Брежнев просил горячо и сердечно поздравить участников торжественного заседания, всех трудящихся республики с замечательным юбилеем, передать самые добрые пожелания новых успехов в коммунистическом строительстве.

От имени коммунистов, всего народа Советской Украины В. В. Щербицкий заверил родную партию, ее ленинский Центральный Комитет, Политбюро ЦК во главе с товарищем Л. И. Брежневым, что трудящиеся республики будут свято выполнять свой высший патриотический долг — самоотверженным трудом всемерно крепить экономическое могущество нашей великой Родины.

С сердечными приветствиями к украинскому народу, коммунистам республики на торжественном заседании выступили руководители делегаций союзных республик, Москвы и Ленинграда, прибывших на юбилейные торжества. Они отмечали большой вклад трудящихся Советской Украины в строительство социализма и коммунизма в нашей стране, в борьбу за осуществление решений XXV съезда партии. Они пожелали украинскому народу новых успехов в выполнении задач, поставленных КПСС.

С большим воодушевлением участники заседания приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Торжественное заседание завершилось исполнением «Интернационала».

Праздничный Крещатик.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК— ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

В Издательстве политической литературы вышел вторым, дополненным изданием краткий биографический очерк — Леонид Ильич Брежнев.

В книге на конкретных примерах показано, что вся жизнь и деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева кровными, неразрывными узами связана с людьми труда, советским народом, партией. Руководитель ленинского типа, он всюду и везде с присущей ему энергией и настойчивостью боролся и борется за великое дело Коммунистической партии Советского Союза, за мир и социальный прогресс.

Книга убедительно свидетельствует о том, что товарищ Л. И. Брежнев — выдающийся деятель КПСС и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения — принадлежит к той плеяде политических руководителей, которые выросли и закалились в годы самоотверженной борьбы советского народа за упрочение завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, за построение социализма в нашей стране.

Многогранная, неутомимая и плодотворная деятельность Леонида Ильича Брежнева — вдохновляющий пример беззаветного служения социалистической Родине, ленинской партии, идеалам коммунизма.

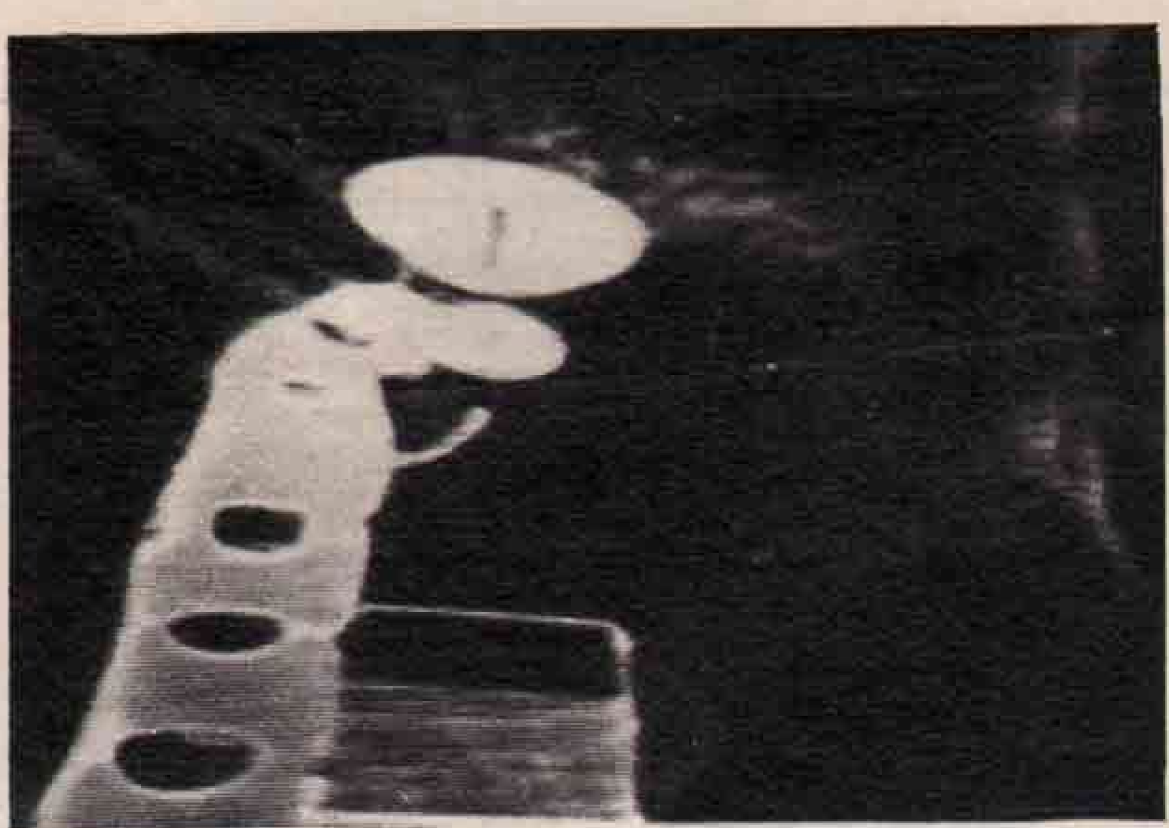
Биографический очерк подготовлен Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Книга напечатана в московской типографии «Красный пролетарий».

* * *

Англо-американское издательство «Пергамон пресс» выпустило на английском языке новое, дополненное издание книги Политиздата «Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк».

РАБОТА СРЕДИ ЗВЕЗД

Орбитальная научная станция «Салют-6» во время телевизионного репортажа, проведенного космонавтами из открытого космоса.

Снимок получен по телекосмической связи (ТАСС)

Встречают Новый год по-разному, бывает, и в самолете, и в поезде, и в корабле. Но вот впервые двое наших соотечественников, Юрий Романенко и Георгий Гречко, встретили этот праздник вне Земли — на орбитальной научной станции «Салют-6».

А в канун Нового года этот экипаж полтора часа проработал в открытом космосе. Прокомментировать это событие мы попросили человека, первым испытавшего на себе дыхание Вселенной, — АЛЕКСЕЯ АРХИПОВИЧА ЛЕОНОВА.

— Когда я услышал в Центре управления полетом в сеансе связи голос Гречко: «В открытом космосе вижу Луну, вижу звезды»,— мгновенно и остро вспомнил тот миг и свое состояние, когда я открыл крышку люка шлюзовой камеры и мощный яркий свет ударил в глаза. Медленно проплывала Земля, она оказалась плоской, лишь легкая кривизна горизонта напоминала, что она все-таки шар. Я видел облака, узнавал лазурный контур Черного моря, коричневые пятна Кавказа. А с другой стороны — звезды, огромные, горячие на фоне темно-фиолетового бархатистого неба.

— **И не было страшно?**

— «Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне» — так, кажется, у Юлии Друниной. Ответственность момента, сосредоточенность на своих действиях и сила впечатлений таковы, что просто заглушают чувство опасности.

У нас с Павлом Беляевым стояла задача осуществить выход в открытое космическое пространство. Решив ее, мы должны были дать ответ на возможность жизни и работы человека в этих необычных условиях. Экипаж «Салюта-6» вышел в пространство уже на запланированную длительную работу, непростую даже и в обычных, земных условиях.

Сама операция выхода пока еще достаточно сложна. Потребовалась специальная ориентация станции для обеспечения оптимальных условий выполнения задания. Только тогда Юрий и Георгий «переплыли переходный отсек», закрыв за собою люк.

...В Центре подготовки космонавтов, где мы сейчас беседуем с дважды Героем Советского Союза летчиком-космонавтом СССР А. А. Леоновым, в большом зале стоит макет «Салюта», точно такой же, как и его космический собрат. Три цилиндра, соединенные вместе в ярко-зеленой рубашке экранно-вакуумной защиты, с двадцатью окошками-иллюминаторами и тремя огромными развернутыми крыльями солнечных батарей. К агрегатному отсеку пристыкован, как и в космосе, «Союз».

Меня интересует переходный отсек. Он имеет достаточные размеры, чтобы экипаж мог свободно находиться в нем и выполнять работу в скафандрах. Изнутри он, как и вся станция, обтянут материей. Вот что любопытно: все ручки и включатели несоизмеримо больше обычных, словно рассчитаны на руку гигантов. Ведь и верно: рукой в космической перчатке не очень-то ухватишь миниатюрный разъем. Вот в этом переходном отсеке космонавтов ожидали проверенные накануне скафандры. Две-три минуты потребовалось (сказалась тренированность) на то, чтобы войти в скафандр: сначала руки, потом ноги, голова. Закрывают дверцу-ранец на спине. Теперь заботу о комфорте космонавтов берет на себя система внутреннего жизнеобеспечения скафандра. Стравливают воздух за борт, открывают люк, путь во Вселенную свободен...

— Я представляю состояние Георгия, когда он оказался лицом к лицу с бездной... Мы услышали: «Моя голова направлена навстречу Солнцу и сейчас приближается к горизонту. Значит, скоро будет рассвет». Тогда ему было не до эмоций. Надо работать. Методично, сантиметр за сантиметром троекратно обследует он стыковочный узел (тот вызывал подозрения), все его разъемы, поверхность экранно-вакуумной изоляции. Ремонтный инструмент на случай необходимости наготове. Юрий помогает бортинженеру: подает инструмент, светильники, когда станция оказывается в тени. Я-то знаю: работать везде легче, когда рядом надежные руки друга.

Ремонта не потребовалось: стыковочный узел, по докладу Георгия, в порядке. «Словно только что из цеха»,— сказал он.

Основная работа закончена, и Гречко, как опытный телеоператор, цветной камерой показал всем нам на фоне многокрасочной Земли элементы своей станции. «Красота какая, словно специально для обложки «Огонька»,— сказал тогда кто-то из дежурных на связи в ЦУПе.

— **Алексей Архипович, насколько отличаются скафандры экипажа «Салюта-6» от вашего?**

— Скафандр за эти годы претерпел такие же изменения, как и вся космическая техника. Впервые в мировой практике он выполнен полужестким, туловище и шлем в виде одной металлической кирасы, а рукава и оболочки ног — мягкие. Мой скафандр приходилось шнуровать, вроде как раньше дамы шнуровали корсет, а теперь создан простой и быстрый способ входа в скафандр.

Внутри скафандра есть практически все блоки для жизнеобеспечения человека, что и в космическом корабле. Да еще заметьте: для повышения надежности все продублировано. Работа космонавтов и сами они подтвердили высокие эксплуатационные качества, надежность скафандров, созданных советскими специалистами.

...Рядом со станцией стоит ослепительно белый скафандр с ярким гербом Советского Союза и голубой эмблемой станции «Салют». Золотистый блеск светофильтра гермошлема. Множество клапанов, застежек, зеркальце на манжете. Он красив... Думаю, что модницы что-то из этого костюма наверняка возьмут на вооружение.

Я потрогала его. Мягко шуршит ткань экранно-вакуумной изоляции, легко вращаются рукавицы. Тканевые клапаны закрывают рукоятки управления, словно приклеенные ворсовыми застежками.

— Скафандры, созданные большим коллективом, выдержали экзамен на «сочетаемость с человеком». Сегодняшний опыт, несомненно, ляжет в основу дальнейших разработок.

— **Алексей Архипович, в космосе люди уже научились жить. Умение работать, навыки движения — все это освоено. Но выход за пределы корабля, кроме того, что космонавт надевает «кабину» на себя, имеет еще не решенные проблемы?**

— Когда космонавт выходит за пределы герметичных отсеков, он попадает во враждебную, чуждую ему среду. Тут и низкий вакуум, и большая разбросанность температур, и необычность световой обстановки. Но главное — безопорность. Одно неловкое движение — и тебя так закрутит! А ведь цена ошибки здесь особенно высока.

Работа в открытом космосе требует значи-

По просьбе издателя Л. И. Брежнев написал вступительную статью, которая публикуется на русском и английском языках. Издание иллюстрировано фотографиями.

В книге помещен также текст новой Советской Конституции.

Прибывший в Москву президент издательства «Пергамон пресс» Р. Максвелл был принят 19 декабря кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК КПСС К. У. Черненко. Во время беседы издатель передал первый экземпляр вышедшей книги для вручения ее Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. В беседе принял участие председатель правления ВААП Б. Д. Панкин.

— Я уверен,— заявил Роберт Максвелл,— что, прочитав книгу, иллюстрированную выразительными фотографиями, широкая публика на Западе сможет получить наиболее полное представление о той громадной работе, которую проводит Леонид Ильич Брежнев на благо мира и разрядки международной напряженности. Горжусь тем, что этим изданием могу внести свой вклад в дело взаимопонимания между народами, укрепления их согласия и сотрудничества.

тельной физической подготовки, вестибулярной устойчивости, хорошо развитой зрительно-двигательной координации. Это дают наземные тренировки в гидробассейне и самолете-лаборатории — в мгновения между стремительным набором высоты и внезапным снижением.

Создавая космические корабли, люди знали, что после восторгов, сенсаций, восхищений подвигами первооткрывателей наступят рабочие дни космоса. Сейчас без выхода в открытое пространство невозможно дальнейшее движение вперед. Пока этот процесс, можно сказать, находится в стадии детства, но каждый выход — ступенька в будущее. Мы пользовались в космосе фалом, а попросту — крепкой веревкой. У экипажа «Союза-5» Алексея Елисеева и Евгения Хрунова были леера и скобы для перехода из корабля в корабль. А у Романенко и Гречко в руках уже специальный космический инструмент.

Скоро эти операции станут обычными, поскольку с каждым годом усложняются станции. Они обрастают оборудованием, установленным и внутри и снаружи. Космонавтам придется регулярно проводить профилактический осмотр и ремонтные работы. А в недалеком будущем долговременные крупные станции будут просто монтироваться на орбитах вокруг Земли. И, как это ни парадоксально звучит в наш век автоматики, значительно возрастет в открытом космосе роль человека. Человека активно действующего, оператора, монтажника, человека с хорошей головой и руками гранильщика алмазов. Именно в этом я вижу смысл сегодняшней работы Юрия Романенко и Георгия Гречко.

У Юрия и Георгия очень интересная программа работ. Многие эксперименты уже начались. В новогоднюю ночь они вместо Деда Мороза «дозором обходят владенья свои»: наблюдают ледники, снежный покров, полярные сияния. И, конечно, встречают Новый год.

— Но шампанского в космосе не выпьешь?

— Шампанского на борту действительно нет. А вот елка есть и игрушки тоже. Видеомагнитофон позволил им устроить свой «Голубой огонек». Новый год они встретили по московскому времени, вместе с нами, хотя были далеко от нас, над Гималаями.

А вообще-то «с Новым годом» они пролетели пятнадцать раз — над пятнадцатью часовыми поясами — таковы причуды космического полета.

Есть у людей хорошая традиция: за праздничным столом произносить тост «За тех, кто в море!». Думаю, что вместе с нами, космонавтами и друзьями Юрия и Георгия, и остальные земляне произнесли тост: «За тех, кто в космосе!»

...Звездный городок в новогоднем наряде. Празднично сверкают звезды на площади. А вокруг блестят лапы елей, усыпанных по уши снегом. И летят над Землей новогодние пожелания из космоса: «Счастья и мира вам, люди!»

Беседу вела Р. ГЕОРГИЕВА.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗРЯДКИ ЕСТЬ

Сергей ЛОСЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В канун Нового года Генеральная Ассамблея ООН приняла «Декларацию об углублении и упрочении разрядки международной напряженности», выразив настоятельное желание народов жить в условиях мира и справедливости, при которых все государства могли бы использовать свои ресурсы для повышения благосостояния и улучшения жизни людей.

Первоначальный проект Декларации был предложен Советским Союзом, но в выработке окончательных формулировок деятельно участвовали делегации других государств — членов ООН. И разве не знаменательно, что сама Декларация оказалась принятой на основе всеобщего согласия, без голосования! Лишь делегация КНР цинично отмежевалась от этого документа, продемонстрировав еще раз, что откровенно поджигательская политика нынешнего пекинского руководства направлена на сохранение источников напряженности и трений между государствами, на конфронтацию, соперничество и конфликты.

Члены ООН заявили о своей твердой решимости развивать отношения дружбы и сотрудничества между государствами, воздерживаться от угрозы силой или от ее применения, соблюдать принципы мирного сосуществования. Они обязались искоренить расизм и апартеид и обеспечить свободное осуществление права народов, находящихся под колониальным господством, на самоопределение.

Однако преимущественное внимание в Декларации, естественно, уделено ликвидации угрозы войны и переговорам по ограничению вооружений и разоружению, в особенности ядерного. Свертывание материальных приготовлений к войне, обуздание подхлестываемой империалистическими кругами гонки ракетно-ядерных вооружений имеют решающее значение для судеб разрядки напряженности и дальнейшего развития дружественных отношений между государствами. Без этого разрядка может превратиться в нечто эфемерное.

В мире, где арсенал стратегического оружия в пересчете на тротил достиг 4 тонн взрывчатки на каждого землянина, включая женщин и детей, раскручивание нового крутого витка в гонке вооружений кажется безумным, бессмысленным и преступным. Тем не менее проект военного бюджета США на 1979 финансовый год в сумме 126 миллиардов долларов, только что одобренный Белым домом, является рекордным за всю историю Соединенных Штатов и превышает на 10 миллиардов долларов бюджет текущего финансового года. Колоссальные средства выделяются Пентагону на развертывание новых систем оружия массового уничтожения, внедрение которых неизмеримо затруднит контроль за осуществлением будущих соглашений.

Особое место в этом смертоносном ассортименте отведено варварскому нейтронному оружию, которое Вашингтон назойливо навязывает своим союзникам по НАТО для размещения в Европе. СССР уже высказал свои предостережения на этот счет, и Запад допустит серьезную ошибку, если не примет советского предложения о взаимном отказе от производства нейтронной бомбы.

Как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в ответах на вопросы корреспондента «Правды», «главное теперь в том, чтобы от переговоров о разоружении переходить к реальным шагам, означающим начало разоружения».

«Такой важный участок внешнеполитической работы, как разоружение,— указал он,— постоянно находится в поле зрения ЦК, его Политбюро. В этом плане важное место, по понятным причинам, занимают сейчас советско-американские переговоры об ограничении наступательных стратегических вооружений. У нас нет недостатка в готовности довести эти переговоры до успешного завершения. Возможности для этого, по нашему мнению, есть. Я бы даже сказал — неплохие возможности. Судя по некоторым заявлениям, американская сторона тоже выражает определенный оптимизм. Хотелось бы, чтобы он был подкреплен ее практическими делами. Думаю, что новое соглашение явилось бы большим и хорошим делом как для СССР и США, так и всеобщего мира».

В ходе декабрьской поездки по США мне пришлось лично убедиться в том, что стрелка барометра опросов общественного мнения на этот раз не обманывает: подавляющее большинство американцев искренне хочет заключения с Советским Союзом соглашения СОЛТ-II, соглашения на принципах равенства и одинаковой безопасности сторон. Однако противники нового соглашения активизируют свою деятельность, надеясь на срыв ратификации наметившегося соглашения сенатом, а американское правительство в основном отмалчивается, ссылаясь на занятость ближневосточной проблемой, вопросом ратификации сенатом договоров о Панамском канале и иными делами. Как подтверждают факты, в самой администрации находятся деятели, рассчитывающие использовать давление со стороны противников разрядки как предлог для домогательств, имеющих целью пересмотр некоторых уже достигнутых советско-американских договоренностей по СОЛТ-II.

«Сейчас, как никогда раньше, необходимо замедлить и в конечном счете остановить гонку ядерных вооружений, заложив основы для сокращения огромных ядерных арсеналов»,— говорится в обращении «Союза обеспокоенных ученых», влиятельной американской организации, объединяющей 45 тысяч человек. Соглашение СОЛТ-II явилось бы реальным шагом в этом направлении. Оно не только оздоровит советско-американские отношения, но и окажет конструктивное воздействие на развитие всей международной обстановки.

МОЛОДОЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Рамиль ХАКИМОВ

Чуть не каждый день наведывается в Париж Владик Гиниятуллин. К Идрисову ли на прием или к Шарипову за советом,— Парижа не миновать.

Попали в Париж и мы. На «уазике» до него пути от Уфы ровно триста километров: по осени и по зиме, через облака и перевалы, то вдоль, то поперек заросших сосной да березой отрогов, по Башкирии, по Челябинской области и снова по Башкирии... Ах, Париж, Париж, безуныввная французская столица, при одном лишь упоминании имени твоего расцветают в душе камелии и гвоздики! Ты и не догадываешься в своем западноевропейском далеке, что на самом востоке Европы, в окружении уральских отрогов стоит еще один Париж.

Откуда у башкирского аула галльское название? Скорей всего привезли его местные джигиты, которым в составе кутузовского войска довелось гнать Бонапарта-императора до самой Сены.

Хмурый, угрюмый северо-восток Башкирии с его поздней весной и ранними заморозками, скупым на солнце летом и лютой зимой... Добираться до него — проблема. Климат, прямо скажем, не парижский. Не зря здесь чаще, чем в других местах Башкирии, приговаривают: «Лучше Северный Кавказ, чем Южный Урал».

Но не так уж обделила природа этот край красотой и достопримечательностями, как это может показаться на первый взгляд. В студеных стремительных водах черными стрелами мелькают хариусы, в не замерзающей и зимой речке Кургазак пульсируют целебные родоновые родники, из расщелин Горелой горы — Янгантау — струится целительный жар... Своеобразный, своенравный край. И характеры здесь не простые: кровь горячая, самолюбие бешеное. Каждый частью своей личной биографии считает тот факт, что именно здесь родился великий башкир — пылкий поэт и суровый воин Салават Юлаев.

А упомянутый Париж относится к колхозу имени Калинина — одному из самых сильных хозяйств не только в Кигинском районе, но и на всем северо-востоке республики. Его председатель Ахсан Шарипов — наставник Владика Гиниятуллина. Несколько необычный вид наставничества — персональное шефство над человеком, которому вменено в обязанность руководство сотнями людей. Но такой уж случай.

Весной только что закончившегося года первый секретарь райкома партии Индус Идрисов предложил общему собранию колхоза имени Мажита Гафури кандидатуру на пост председателя. Носит колхоз имя основателя башкирской советской литературы, народного поэта, да только дела здесь делались прежними руководителями, мягко говоря, очень уж не поэтичные. Возмечтал народ иметь солидного, авторитетного председателя. И потому, когда был назван год рождения Владика — ему едва исполнилось 28 лет, — в зале раздалось несогласное и даже негодующее: «У-у-у!».

...Отец Владика Ахмадулла-агай остался после смерти первой жены с пятью детьми, а мать Мавлиха-апай после смерти первого мужа, брата Ахмадуллы-агая, — с двумя. После слияния двух этих семей у Ахмадуллы-агая и Мавлихи-апай родился единственный общий ребенок — Владик. Как занесли в метрики понравившееся им русское имя в таком вот уменьшительно-ласкательном варианте, так оно и ходит с тех пор впереди своего владельца.

У братьев Владик научился играть на гармошке, да еще сам — на гитаре. Пропадал на танцульках да вечеринках. Уроки учил утром, перед занятиями. Вот так и жил, без особого напряжения, без больших перегрузок — до поры, до времени. Вот и институт сельскохозяйственный за плечами. В самом начале семидесятых годов, в 1971-м, Владик вернулся в родное село, чтобы начать трудовую биографию. Комсомольцы районного отделения «Сельхозтехники» выбрали его своим секретарем. Было трудно овладевать — практически, не по учебникам — своей профессией, нелегкой оказалась и секретарская ноша. Но он старался, и откуда что бралось — все получалось! А дело в том, что, когда человек сосредоточивается на главном своем деле, все его предыдущие накопления, какими бы они до того ни казались случайными и даже ненужными, обретают свой центр, а вместе с тем и иной, глубинный, высший смысл. Все пригодилось кстати: и музыкальные навыки, и то, что успел к этому времени стать спортсменом-разрядником, и то, конечно, что нрава был доброго и открытого, и голову на крепких плечах имел светлую. Комсомольская организация «Сельхозтехники» за год удвоила свои ряды, стала задавать тон в молодежной жизни района, а ее секретарь стал видной фигурой среди комсомольского актива.

Через год Владика выбрали секретарем райкома комсомола, через три года — первым. Трудно было и здесь на первых порах, но и это позади. И вот собрание... Так что же, он вышел к новым горизонтам для того, чтобы в тесном клубе самого захудалого в районе колхоза его встретили недружелюбным «у-у-у»?!

А получилось так: секретари райкома партии не раз и не два в его присутствии мучительно обсуждали: что делать дальше с этим запущенным колхозом, кем заменить очередного председателя? Какие тут могут быть мнения, кроме одного? Не он ли сам вот так же подводил своих комсомольцев к единственно правильному ответу? Так что и не поймешь теперь, то ли ему предложили, то ли он сам вызвался. Надо! Надо попробовать помочь людям, угодившим в затяжное ненастье. И надо найти себя самого на новом, может, самом главном этапе, когда решается вопрос: как пойдет дальше твоя жизнь?

А между тем настроение у зала переменилось. Правда, пришлось напомнить, сколько лет было иным командирам полков в гражданскую войну да сколько исполнилось Салавату, когда Пугачев объявил его полковником. Нашлись примеры районного масштаба: один из сверстников Владика работает заместителем председателя райисполкома, другой — председателем колхоза имени Чкалова. Ну и всегда у Индуса Миргасимовича в запасе факты из практики знаменитого Илишевского района, в котором ему посчастливилось начать свой трудовой путь...

Через десять дней у молодого председателя родился второй сын, а через месяц Нина с Олежкой и грудным Вадимом перебралась к мужу. А ведь даже не успели обжить дом, поставленный в райцентре возле отчего...

Индус Миргасимович, как и другие члены бюро, не забывал наведываться в колхоз имени Гафури. В первый же раз, обойдя квартиру Гиниятуллиных, неодобрительно поморщился:

— Для постоянного проживания не годится. Надо селиться основательно.

Он подсел к столу и нарисовал план переделки квартиры.

В моем блокноте есть чертеж, сделанный Владиком. Но не переделки старого, а строительства нового дома. Жить так жить! Основательно!

Пришлось мне быть свидетелем разговора молодого председателя и одного из тех, кого зовут руководителями среднего звена. Сидел он супротив своего молодого начальства, а в глазах полное безразличие: жили, мол, без тебя и дальше жить можем, на наш век кумыса и бишбармака хватит... И анонимщики уже показали свое жало: «Молокосос! Молод еще нами командовать!»

Но поддерживают единомышленники. Главные специалисты — в основном такие же молодые люди, полные азарта и сил,— половина не вышла из комсомольского возраста. Механизаторы и доярки как на подбор. Владику даже непонятно, как же они могли допустить прежние непорядки?! Теперь вот преобразились!

Владика помощью не забывают. Даже братья — нужно не нужно — заворачивают в колхоз имени Гафури, давая знать — всегда готовы пособить!

Как говорится, не вылезал из колхоза во время посевной и второй секретарь райкома Федор Рязанов, выручали коллеги — тот же наставник Шарипов, председатель колхоза имени Ленина Дияз Кирханов.

И усилия сказались на результатах. Колхоз впервые раньше всех справился с севом и раньше всех доложил о выполнении социалистических обязательств. Наконец-то и через Париж гафурийцы проехали победителями, это в тот день, когда они были приглашены в райцентр на подъем флага в их честь.

Позапрошлый урожай зерна составил 10,9 центнера с гектара, а нынче — 22,4!

Очень хорошо для начала. Но Владик не обольщается. Спуску себе не дает, главное впереди!

Таков он сегодня, типичный, по моим понятиям, представитель молодежи семидесятых годов.

Вот сидит Владик в избушке, больше похожей на блиндаж или землянку. До синевы накурено. В стеганках и шубах, не снимая шапок, то и дело вваливаются сюда шоферы и трактористы, продавцы и главные специалисты... То ли фронт, то ли целина. Кто на минуту присаживается к столу, кто тут же, решив в секунду дело, выскакивает обратно...

А за окном кирпичный обелиск, побеленный мелом, а на нем фамилии. Некоторые из них повторяются, иногда по многу раз, тогда смотришь еще и на отчества, часто повторяются и они... Больше ста фамилий на этом обелиске, и столько же примерно на обелиске во второй бригаде. Больше двухсот человек не вернулось в два аула с войны. «У нас сейчас как раз столько же активных работников»,— говорит Владик. Трепетная нить протянулась между поколениями. Осуществляются мечты тех, кто не вернулся с войны, продолжаются их дела, их

Фото Т. Баженова

В. Игошев. Род. 1921. В ДАЛЕКОМ ПОСЕЛКЕ. 1977.

«По ленинскому пути» — всесоюзная художественная выставка, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

И. Григорьев. 1934—1977. СТРОЙКА. 1973—1975.

«По ленинскому пути» — всесоюзная художественная выставка, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

жизнь... Колхоз уже отвоевал у будущего надежный плацдарм, и завтрашние наступления сулят победу.

Тем более, что гафурийцы на достигнутом не успокаиваются. Дисциплину подтянули, да, но за именитыми соседями еще гнаться и гнаться — по мастерству, сноровке, предприимчивости. А сколько резервов! Одна бригада дала на круг 19,6 центнера хлеба, а другая — больше 25. Чуть не шесть центнеров разницы.

Особенно заботит строительство. На нем нерадивость прежних руководителей сказалась особенно сильно. Рядом с домиком, который временно превращен в штаб колхоза, ремонтируется здание правления. Тоже, конечно, не хоромы, но после ремонта люди должны почувствовать: есть у них в колхозе красный угол, где можно решать все важные дела. Туда уж и в грязных сапогах не полезешь, сигаретой дымить не будешь.

Ремонтируется детсад — высвободит он несколько десятков рабочих рук женщин. А то ведь как засядет молодая мамаша с ребенком дома — и прощай вчерашняя комсомолка, вчерашняя передовая доярка.

Да, пока решаются сугубо животрепещущие дела. Нужны будут завтра операторы на животноводческий комплекс, и Владик сегодня идет в школу на выпускной вечер, а в результате сорок процентов выпуска остается в родном колхозе.

Несколько лет не могли сдвинуть с мертвой точки строительство упомянутого комплекса. А нынче не только решились, наконец, выбросить негодные панели, но и сильно продвинули строительство.

С тем же рвением взялся Владик и за свиноводческую ферму. Зима уже на носу была, а он поднял людей на генеральный ремонт. И не промахнулся.

— Рисковый! — одобрительно отозвался об этом шаге молодого председателя Федор Рязанов.

Кстати, первые отзывы, которые я услышал о Владике, были вот такие. Редактор республиканской комсомольской газеты: «Отличный парень!»; секретарь райкома партии: «Надежный мужик!».

Все у Владика Гиниятуллина впереди. И все будет. Такого же достоинства, как здешняя лучшая из рыб — форель, или один из самых эффективных в мире курортов — здешний Янгантау. Будут настоящие ясли, и колхозный парк, и мемориал в честь не вернувшихся с войны, и дома для специалистов, и новые улицы... Уже рвется от столицы республики асфальтированная дорога, и строится мост — на месте паромной переправы на восток от Уфы.

Владику Гиниятуллину сегодня еще трудно. Но «лучше трудно, чем нудно»,— сказал, будучи в его возрасте на нашей башкирской земле, комсомолец тридцатых годов Сергей Чекмарёв.

Ему трудно, но рядом друзья-единомышленники.

Ему трудно, но рядом вся страна, у которой на ее великом пути всегда будут препятствия, но у которой всегда будут и бойцы, и они, как бы ни было трудно, все эти препятствия преодолеют.

Уфа.

ЧТО ПРОЧТУТ ДЕТИ ЗАВТРА?

РЕПОРТАЖ С 28-й МЕЖДУНАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ КНИГИ

В этом году волна похолоданий и снежных буранов, прокатившаяся по Европе, не обошла и Баварию, традиционно теплейшую из земель ФРГ. Мюнхен встретил нас московским морозцем в минус десять и сыплющимся снегом. Грациозно балансируя среди сугробов на Людвигштрассе, полицейские дамы в пилотках с опущенными ушами приклеивают к стеклам неверно запаркованных машин приглашения их владельцам раскошелиться. Как и всегда в начале декабря, бурлит, окутанный запахами ванили, корицы и жареного миндаля, рождественский базар под елками в историческом центре города — на Мариенплац.

В пестром калейдоскопе общественно активной жизни столицы Баварии этих дней (от всебаварской демонстрации против «запрета на профессии» на Одеонсплац 3 декабря, от дискуссий в клубе депутатов ландтага от ХДС и ХСС на тему «Нужен ли Баварии еще и сенат?» до забастовки сотрудников солидной «Зюддойче цайтунг») при наличии множества вернисажей в музеях и картинных собраниях открывшаяся в здании Баварской государственной библиотеки 1 декабря 28-я Международная выставка детской и юношеской книги не только не затерялась, но, напротив, засветилась приметной звездочкой на карте культурных акций, служащих идеям мира, взаимопонимания и прогресса.

Выступая на пресс-конференции, директор Международной юношеской библиотеки (МЮБ), одного из устроителей всемирного смотра, В. Шерф тепло приветствовал прибывших на открытие выставки литераторов и книгоиздателей из СССР, Польши, ГДР и других социалистических стран (советскую делегацию возглавлял главный редактор издательства «Детская литература» А. Виноградов). Отметив ряд хороших изданий западных фирм и в то же время рост в буржуазной детской литературе тенденций к показу агрессивности и сентиментальности, влияние оккультизма, В. Шерф подчеркнул позитивную роль детской книги стран социализма в конструировании подлинно гуманного и устремленного к познанию литературного героя. В какой-то мере символическим подтверждением этой мысли явилась церемония вручения советской поэтессе Агнии Барто диплома почетного члена президиума Всемирного объединения юношеских библиотек.

...В Княжеском зале Баварской государственной библиотеки разместились 5 тысяч новинок из 60 стран. Принцип смотра тот же — только новинки истекшего года, только прогрессивное чтение и неизменное расположение по странам. Последнее весьма не понравилось критику из мюнхенской «Абендцайтунг», требовавшему на следующий день «перераскладки» книг «по концепциям», чтобы «тянуло взахлеб читать», то есть рекламной подачи вместо отражения усилий издателей конкретной страны... Много хороших, по-настоящему полезных и интересных книг выставили фирмы Австрии, Канады, Франции, Японии, США, других стран. «Что когда было в первый раз» — это австрийское издание знакомит ребят с историей появления первого стола, первого паровоза, плаща, фонаря и сотен других столь привычных для них вещей... Запомнилась книга Марселя Лашиве «2000 лет истории Франции» (изд-во «Ашетт»), книга о генерале де Голле, факсимильные издания русских сказок с иллюстрациями И. Билибина, выпущенные совместно издательствами ФРГ и ГДР; интересны фантастический роман Сьюзен Купер «Серебро на троих» (стенд США), книги о животных, изданные в Канаде, Австралии, Ливане... В советской экспозиции последние новинки уходящего года: книги С. Михалкова, А. Барто, А. Алексина, А. Рыбакова, Ю. Коваля и других авторов.

А в это время в здании самой МЮБ была развернута экспозиция детских книг Турции. Мы увидели здесь, кстати, поэмы Хикмета и Брехта, книги Горького, Чехова, Достоевского, рассказы для детей М. Зощенко, книжку Ф. Искандера, повесть Э. Успенского «Дядя Федор, пес и другие». Запомнилась эта «выставка внутри выставки» и еще одним, живым эпизодом. При нас эта экспозиция была атакована ворвавшейся шумной ватагой детей наемных рабочих из Турции — девчонки и мальчишки лет десяти — двенадцати, крича и толкаясь, вырывали друг у друга книжки, стремясь завладеть чем-нибудь поинтереснее. Как пояснил руководитель экспозиции, ребята сейчас «отрецензируют» выставленное и составят список нужных им здесь, на чужбине, книг на родном языке...

Приятно было видеть, что сотрудники МЮБ делают все, что в их силах, чтобы каждый ребенок получил необходимое чтение, чтобы звучали в этом чтении человеколюбивые и природоохранительные идеалы.

И все же не всем идеи мира, дружбы между народами по душе. Нашлись и у МЮБ какие-то незваные «помощники», решившие оказать ей своеобразные услуги.

Вот «примостилась» в добротной экспозиции ФРГ, расположенной рядом со стендом ГДР, книжечка со странным названием «13 нелюбимых баллад». Автор — Герман Мультхаупт (издатель Фридрих Пустет). О чем же баллады?

В одной — ей предшествует фотография битников с гитарами — искусно сплетается «библия Мао», идеология прислужников реакции — анархистов и террористов в... понятие «социализм». Подытоживается сия баллада изречением, что социализм — это-де «прекрасная игра в песочнице, пока ангажемент состоит из слов». В другой следует слезливая история о немощной старухе из приюта, сын которой живет в ГДР, чьи власти-де, трижды отказывая умирающей в возможности увидеть сына, отвечают так: «Не поздно будет, если успеет и на похороны». Так автор и издатель спекулируют на детской чуткости, разжигая антидемократические настроения в сердце читателя...

Замечаем, что на книге отсутствуют обычный штамп и регистрационный номер МЮБ. Спрашиваем у дежурной по залу, должны ли выставленные книги иметь штамп библиотеки. «Обязательно»,— последовал ответ.

Значит, эту «контрабанду» кто-то вставил в экспозицию без ведома администрации. Об этом случае, наверное, можно было бы и не говорить, если бы буржуазные критики не любили ахать и охать на каждом шагу по поводу «политизации» литературы, и в частности детской, в странах социализма, и, конечно, восхвалять полную «независимость» литературы собственной. Если бы за окнами библиотеки на Людвигштрассе не кипела жизнь, полная острых социальных конфликтов, которую в этом году многие издатели игнорировали, демонстрируя «поворот к консервативной книге». Если бы в книгах была серьезная попытка критического осмысления реальной действительности, в которой живут дети ФРГ, хотя бы те же «аусрайсеры» (убегающие из дому из-за жестокости родителей, страха перед школой и т. д.), о которых были книжки еще на прошлогодней выставке...

Испортил ли этот факт впечатление от международного смотра? Ничуть. Наоборот, в смысле явлений позитивного плана Мюнхен на сей раз преподнес больше сюрпризов, чем когда-либо. Назовем только встречи с двумя видными мюнхенскими издателями (по совпадению в эти же дни в столице Баварии работала 18-я выставка продукции мюнхенских издательств) — оба в беседах проявили трезвый подход к сложнейшим проблемам современной обстановки в мире и вопросу сосуществования различных систем. Один из них сказал, быть может, кажущиеся не очень оригинальными, но точные слова: «Речь уже не о нас, речь о наших детях, которым вместе жить в мире и согласии, в расцвете культурного обмена и торговли». Этот наш собеседник, чья фирма успешно выступает как торговый партнер СССР, усиленно изучает русский, считает себя другом нашей страны, и мы убедились, что он не одиночка в деловом мире ФРГ.

Есть, и кроме этого, много здорового, ободряющего в столице Баварии, одном из важнейших издательских центров Федеративной Республики,— выпускаются совместные издания ФРГ и ГДР, ФРГ и СССР и других стран социалистического содружества, завязываются контакты между авторами и переводчиками. Тем смешнее и неуклюжее медвежьи услуги тех, кто хотел бы «подправить» взятый дирекцией МЮБ курс на популяризацию нравственно здоровой детской литературы, от авторов которой при всем различии их социальных симпатий требуется одно: гуманизм, уважение к народам других стран, стремление к знаниям, к прогрессу как в технике и охране окружающей среды, так и в человеческих отношениях.

Ю. НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Мюнхен — Москва

БУРАН

Евгений РАДКЕВИЧ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Буран застиг шофера Романа Кудина примерно за двадцать километров от совхоза. В снеговой круговерти, заслонившей весь свет, он сбился с дороги и теперь сидел в машине, не зная куда, в какую сторону заехал, сидел, плакал и ждал близкой смерти.

Бензин кончился уже часа три назад, как ни старался Кудин его беречь — заводил мотор, чтобы только чуть прогреть кабину,— и теперь будто дьявольские тиски сжимали его: мороз сначала легонько, словно играючи, прикоснулся к губам и щекам, потом, забравшись в рукавицы, ущипнул кончики пальцев, да так, что пришлось спрятать руки в карманы кожуха, насквозь прошил ледяными иголками валенки, подмокшие от занесенного в кабину и растаявшего снега, постепенно все сильней и сильней давил на плечи, стискивал грудь, катился волнами дрожи по всему телу.

Кудин выскакивал из кабины, махал руками, изо всех сил хлопал себя по бокам, бегал на одном месте, топал ногами, утрамбовывая сухой мелкий снег. Вспотев, снова забирался в кабину, сидел в изнеможении, отдыхая, еле переводя дух, пока опять не начинал замерзать. Однако с каждым разом мороз все крепче забирал его в свои колючие лапы, силы понемногу иссякали, не хотелось даже вылезать из кабины, подгонял только отчаянный неудержимый страх; он пронизывал тело внезапным жаром, красным туманом застилал глаза, и Кудин, словно в беспамятстве, как пьяный, вываливался из кабины, махал руками, бегал,— только так мог он покуда спастись.

Сейчас он плакал. Слезы бежали по щекам, холодили подбородок и крупными каплями стекали на воротник кожуха. Кудин вытирал их тыльной стороной рукавиц, хлюпал носом, сморкался себе под ноги.

Он не включил фар и когда, откинувшись на спинку сиденья, глянул вперед, увидел в тусклом зеркальце свое лицо. Небритое, худое, с глубокими морщинами на лбу, искривленные в плаче губы, ввалившиеся глаза, блестящие от слез,— все это расплывалось, размытым пятном выступало в полутьме и казалось чужим, незнакомым, странным.

«Это смерть моя,— подумал Кудин,— это смерть моя глядит на меня, поджидает! Поджидает и потешается, ждать-то ей осталось недолго. Боже, какая страшная морда! Боже, что я натворил...»

Он тяжело, с размаху упал на баранку и стал биться о нее головой.

— Так тебе и надо, гад. Так тебе и надо. Подавился, наконец, подавился...

Когда он попадал головой на черный кружок сигнала, машина коротко и жалобно вскрикивала, словно от боли или страха. Этот слабый, почти неслышный из-за воя ветра звук вернул его к действительности.

Он запрокинул голову на спинку сиденья, зажмурил глаза и затих. Слезы высыхали, он утер их рукавицей. Потом закурил «беломорину» и глубоко, с жадностью затянулся.

«Все имеет свою цену,— подумал он, и от этой на диво простой мысли, от табачного дыма даже мерзнуть перестал.— Все имеет свою цену, и каждый получает, что ему причитается. Вот и я... Надеялся встретить свой конец в богатом доме, на мягких перинах, на сундуках с добром, а получил железный гроб... Судьбу не обдуришь, нет, ничего не купишь дешевле, чем спрошено...»

Он сидел, держа папиросу голой рукой, и чувствовал, как с каждой затяжкой стынет, становится холодным и скользким мокрый мундштук.

Кудин наклонился к зеркальцу, осветил его огоньком папиросы.

Нет, зря ему показалось, будто он видит там свою смерть. Как раньше, так и теперь на него смотрел пожилой мужчина с широким худым лицом, глубоко запавшими глазами и выступающим вперед острым подбородком. Не очень приятная физиономия, что и говорить.

Кудин потер ладонью колючие щеки, мужчина в зеркальце сделал то же... Кудин даже слегка удивился, насмешливо хмыкнул.

Словно видя себя в первый раз, он разглядывал в зеркальце свое отражение с интересом, как незнакомого человека, которого вроде бы встречал и раньше, но не совсем был в этом уверен...

Нет, Кудин все же немало знал об этом человеке, а недавно был свидетелем того, как он, будто малое дитя, распустил нюни, размазывал по лицу слезы, всхлипывал.

Кудин зажмурился, а когда открыл глаза, в зеркальце ему на миг привиделась толстая, белая, вспухшая, как тесто, рожа. Большая, с фасолину, бородавка на левой щеке, черный дым редеющих курчавых волос над розовой лысиной... Рожа эта, казалось, ухмыляется, показывая желтые золотые зубы... А как же ей весело; во радости будет, когда найдут через несколько дней замерзшего Кудина! Правда, деньги-то у него, у Кудина, и той роже — заведующему складом Тунякову — ничего не перепадет... Хоть этим можно утешиться.

Где они, эти деньги? Ага, вон шуршат во внутреннем кармане пиджака... Тут вот они, все до копейки... Ровно столько, сколько стоит жизнь Кудина. Не много, если подумаешь... Даже сотни не потянет... Пусть они теперь тебя выручат, эти деньги,— они же все могут!.. Пусть пособят найти дорогу, пусть достанут бензин, пусть приведут домой или, на худой конец, назад, к чабану Зуеву...

А лучше б их вовсе не было! Ничего бы тогда с тобой не случилось, сидел бы теперь в теплой комнате, смотрел телевизор после чарки, после хорошего ужина. А захотел бы, так лег в постель с Зинкой, женой своей, согрелся рядом с ней, мягкой и теплой... Если бы только не было этих денег, поездки этой поганой, если б не было толстой поганой рожи Тунякова...

Это он придумал — завезти тонну-другую пшеницы Зуеву. Туняков на такие дела мастак: спишет зерно как бракованное или еще что, а потом сплавит налево... И во всех этих операциях первый помощник у него — Кудин. Высмотрел же его среди шоферов, приручил... Будто это было так уж трудно сделать... Сам ведь того хотел. Просил подписать лишнюю путевку, добавить лишний рейс. Всегда норовил сорвать дармовую копейку...

С малых лет таскался по свету, искал тепленького местечка... И находил. Да молодой был, неопытный, зарывался, вот и пришлось отсидеть три года... Потом уже в торговлю его не взяли — выучился на шофера. Сюда приехал, прослышал, что в новом совхозе можно неплохо заработать. И, правда, жаловаться было грех. Построил дом, завел хозяйство, и жена хорошо устроилась — буфетчицей в столовой.

Сколько же всякой пакости тянется за тобой по жизни, Кудин. Людей обманывал, врал им, унижал, смеялся над дураками, которые тебе верили, со слабыми был груб и безжалостен, перед сильными заискивал. С матерью-покойницей как обошелся, помнишь? За одно это шкуру с тебя спустить мало.

Чуяла, верно, старуха, что недолго ей жить осталось, приехала, недужная, на край света, чтобы поглядеть на сыночка, которого не видела, должно быть, лет двадцать. Приехала, потому что сам ты и носа не казал в родную деревню, где, это ты помнил с послевоенной поры, жилось небогато, даже письма туда ни разу не написал. Нет, почему? Написал, как за решетку посадили. Тогда мать — откуда только?— собирала тебе посылки: и сало, и сахар, и носки теплые... А ты забыл об этом, как только горе миновало. Когда же она приехала в гости, жене твоей это не очень понравилось. А жена — баба языкатая, так кольнет, что кусок хлеба поперек горла станет. Недолго мать погостила, быстренько собралась назад. На свои деньги, которые в колхозе заработала да дети собрали на дорогу, купила билет. А ты даже не заикнулся хоть копеечку ей дать, не справился, не надо ли ей чего. Даже не попросил, чтобы еще немного погостила. А она все поняла... Плакала, уезжая, перекрестила тебя, чтоб оградить от нечистой силы... Не оградила...

Ой-ой, Кудин, что ты наделал?

...Сквозь низкое, грозное завывание ветра донеслось чуть слышное, размеренное и бодрое тарахтение мотора.

Сперва Кудин подумал, что ему померещилось. Но звук нарастал, все чаще и чаще прорывался сквозь вой метели, и вскоре уже можно было без труда разобрать частые и резкие, как выстрелы, выхлопы трактора.

Все еще не веря своим ушам, Кудин открыл дверцу, выглянул наружу. Ветер рванул дверцу из рук, она с грохотом ударилась о капот, снежный вихрь ворвался в кабину. Но Кудин этого даже не заметил. Теперь он не только слышал тарахтение мотора — во вьюжной мгле чуть обозначились, приближаясь к нему, два пятна света. До них, верно, было метров сто. Но вот они сместились немного в сторону, вправо, и Кудин всеми своими натянутыми, как струна, нервами почувствовал, чем ему грозит этот небольшой поворот. По каким-то своим расчетам беря вправо, тракторист минует Кудина и может его не заметить.

Тогда Кудин побежал наперерез, побежал со всех ног. Однако не так легко было одолеть полсотни метров против сумасшедшего ветра. Он упруго, яростно толкал его в грудь, в ноги, в голову, отпихивал назад, не пускал туда, где вот-вот должны были пройти два желтых огонька. А они все ближе и ближе, и, если не поспеешь, опоздаешь хоть на полминуты, проплывут перед твоим носом и исчезнут, скроются за огромной вьюжной пеленой.

Задыхаясь, он бежал и кричал, рот ему забивало снегом, и крик гас на губах, развеянный ветром.

И все-таки он успел. Стал на пути трактора, маша руками и что-то крича, хотя даже сам еле слышал свой голос.

Трактор остановился.

Кудин открыл дверцу кабины, и оттуда пахнуло сухим теплом, соляркой и махорочным дымом.

Тракторист, молодой, разрумянившийся от тепла парень, наклонился к Кудину.

— Ты откуда взялся? — весело и удивленно спросил он, стараясь перекричать треск мотора и завывание ветра.

Кудин, как не в себе, закивал головой, не в силах вымолвить слово, и только счастливо улыбался.

— Вот уж не ждал встретить здесь кого-нибудь,— кричал в ухо Кудину парень.— Я из бригады пробиваюсь, из Жалан-Кудука. Чуть от скуки не помер. Залазь в кабину,— пригласил он, и когда Кудин, ступив на гусеницу, забрался к нему, приказал:

— Захлопни дверцу-то. Тепло, брат, надо сегодня беречь.

Щелкнул выключателем, зажег свет — маленькую лампочку на щитке с приборами. Внимательно посмотрел на Кудина, будто припоминая что-то.

— Эге,— сказал он,— да твоя фотография мне, сдается, знакома. Ты не из «Рогозинского» будешь?

— Ага,— смог, наконец, вымолвить слово Кудин,— с «Рогозинского». А ты откуда меня знаешь? Я тебя, вроде, не помню...

— Вишь, а я тебя запомнил... — Его широкие припухлые губы с черной мазутной полоской у левого уголка тронула недобрая усмешка.— Мало того, искал тебя, встретиться хотел...

— Чего тень наводишь? Говори ясней,— сразу насторожился Кудин.

— Погоди, милок, всему свой черед. Исторического значения не имеет... Лучше скажи, как ты здесь оказался?

— Да, мать его так, через свою дурость. Надеялся, успею, пока начнется эта свистопляска, вот и сижу посреди степи. Думал, мне уже конец.

— А-га,— рассеянно протянул парень, углубившись в какие-то свои мысли.— Так ты на чем тут — на машине?

— А то на чем же? — сказал Кудин.— Кабы не она, так горя бы не знал. Погоди,— вдруг удивился он,— а ты как дорогу находишь? Тут же на край света заехать можно — и не заметишь.

Парень коротко, довольно хохотнул.

— Я, милок, как конь, дорогу домой нутром чую. Потому мне все бураны до фени. Но на всякий случай вот эту штуковину с собой вожу.

Он достал из кармана кожуха и показал Кудину компас.

При свете задней фары парень откинул край брезента, отвинтил крышку в железной бочке, лежавшей на санях, и через резиновый шланг нацедил Кудину горючего.

И вот уже за серой снежной круговертью покачивается перед ним светлое пятно — задняя фара трактора. Она тускло освещает верх брезента, выхватывает из темноты целые охапки снега, который щедро, как никогда, сыплется на землю. Ветер ловит их на лету, взметает, яростно гонит над землей.

А в кабине тепло, на душе спокойно и радостно, и потому мысли у него тоже хорошие, приятные; он думает о том, что счастье ему не изменило, что какая-то высшая сила стала на его сторону, спасла от смерти и он должен быть до конца жизни благодарен ей. Нет, не станет он теперь заполнять жизнь пустыми, мелкими хлопотами, постыдной, достойной смеха суетней. Деньги... да гори они огнем! Вот сколько беды из-за них вышло... Нет, пусть другие гоняются теперь за ними, пусть свернут себе из-за них шею.

Кудин вспомнил, как парень жадно вырвал у него трояк за два ведра бензина. Дурень, молодой, ненасытный дурень... Знал бы ты, за чем гонишься... Э-э, деньги далеко не все могут, не приносят они счастья человеку, не спасают от смертного страха, когда приходит твой последний час... Ты спроси об этом Кудина, он тебе скажет святую правду...

Тем временем наст кончился, и машину надо было вести по следу, который оставлял трактор с санями.

И вскорости же самосвал увяз. Как ни раскачивал Кудин взад-вперед машину, как ни выворачивал баранку, выбраться из сугроба не мог. И тут появился трактор. Парень подошел, глянул на задние колеса, сказал все с той же глумливой ухмылкой:

— Сел ты, милок, важно, как кум в красном углу. Ну что, вытащить?

— Тащи, конечно,— хмуро ответил Кудин.

— За бесплатно не потащу,— отрезал парень.

Кудин молча достал трешку, отдал. Парень небрежно сунул ее в карман ватника.

Затем отцепил сани, подъехал к Кудину и, закрепив стальной трос за буксировочные крюки самосвала, разом вытащил его из сугроба.

Минут через десять Кудин снова забуксовал. Но теперь он не стал ждать трактора, а снял сиденье и среди ключей и разной металлической мелочи нашел лопату. Потом подлез под кузов у задних колес.

Ветер рванул воротник, откинул его и сыпанул прямо под кожух, под рубаху колючего снега; он тут же растаял, по спине потекли ручейки, вздрогнуло, зашлось от холода все тело. Кудин снова поднял воротник, прижал его подбородком и принялся, как одержимый, выкидывать снег из-под колес. Копать было не трудно, ветер сразу же сметал снег с лопаты, развевал его в мелкую пыль. Но то, что успевал расчистить, засыпали все новые и новые пригоршни снежной крупы.

Кое-как добравшись до твердого грунта, Кудин бросился в кабину, рывком стронул машину с места. С ревом, заваливаясь на один бок, она потихоньку двинулась вперед.

А навстречу уже шел трактор. Теперь ему придется повернуть назад, не доезжая до самосвала.

Кудин злорадно усмехнулся.

Зря он это сделал... Когда засел снова, ни лопата, ни что другое ему не помогли. А сам он так устал, выбился из сил, что только и смог доплестись до кабины и взобраться на сиденье.

Парень подъехал, поинтересовался, есть ли еще у Кудина деньги, взял три рубля и только тогда вытащил машину.

В следующий раз Кудин даже не вышел из кабины,— сидел и ждал, пока придет парень.

Деньги дал, не дожидаясь, пока тот спросит. Они не сказали друг другу ни слова, будто раньше уже договорились обо всем.

Теперь, продираясь через заметы за желтым огоньком, Кудин уже не чувствовал на душе того умиротворения, какое охватило его в начале их совместного пути. Ушли и не вернулись его безмятежные мысли.

От страшной усталости ломило все тело. Усталость эта становилась все сильней, все больше давила его, не давала забыть о себе еще и потому, что каким-то образом сливалась с ненавистью к этому круглорожему трактористу с нахальными жесткими, как у убийцы, глазами.

Кудин уже давно привык к тому, что за услугу в пути встречный человек может потребовать определенную плату. Но тут, посреди степи, когда на много километров вокруг нет ни живой души, кроме него, этого выродка, и когда судьба Кудина целиком зависит от трактора, брать деньги за каждую буксировку — да это хуже, чем грабеж... это... это... черт знает что... о таком еще никто и не слыхивал...

Нет, зря ты на себя клепал, Кудин... По сравнению с этим кругломордым, ты просто ангел... Вот они какие, люди... Попробуй с ними по-справедливому, по-честному.. Съедят, изничтожат, в порошок сотрут...

Мысли его оборвались,— надо было снова подавать назад, выбираться как-нибудь из занесенной снегом выбоины.

Но сам выбраться он опять не смог и снова ждал, пока не остановится трактор, не развернется, не подползет к машине.

Парень подошел, молча протянул руку. Кудин не шевельнулся.

— Ну,— нетерпеливо сказал парень.

— Что — ну? — сквозь зубы спросил Кудин.

— Деньги,— объяснил парень.

— Нет у меня денег...

— Брось придуриваться... У таких, как ты, все карманы набиты.

— Может, ты мне их набиваешь?

— Нет, сегодня я как раз наоборот делаю.

— Сегодня... Ты, видать, и жизнь свою начал с того, что отца с матерью обобрал...— не мог сдержать злость Кудин.

Парень быстро переступил с ноги на ногу, словно боксер на ринге.

— А у тебя, оказывается, плохой характер... Не люблю с такими ездить... Особенно в буран... Тебе, может, кажется, что я лишнее беру? Да, если бы не ты, я бы уже давно дома был. Я — из «Иртышского», сосед, можно сказать. Довезу тебя, а потом сколько мне еще тащиться... К тому же, сам подумай, каждый раз, что ты вязнешь, я возвращаюсь, отцепляю сани, снова прицепляю, с тросом вожусь... А на дворе ведь не лето, сам понимаешь. Так что давай, плати по установленной нами таксе...

— Я тебе сказал: нет у меня денег,— крикнул Кудин.

— Ну нет, так нет. Гуд бай,— повернулся парень.

— Ты что ж, так и бросишь меня?

Парень пожал плечами.

— А что ж мне делать?..

И вдруг веселость с него как ветром сдуло. Глаза округлились, вылезли из орбит, и он гаркнул, перекрывая вой метели:

— Много вас таких, голодранцев!

Он подскочил к Кудину, точно хотел ударить, и тот испуганно отшатнулся. Быстренько полез в карман, молча отдал деньги...

Теперь, когда самосвал начинал буксовать и парень подъезжал к нему на тракторе, все делалось молча. И повторялось это, пока доехали до «Рогозинского», должно быть, раз пять.

На широкой улице поселка Кудин обогнал трактор, остановился, вылез из кабины, показал парню, чтобы он тоже остановился. Подошел к трактору, стал против открытой дверцы.

— Ну, вот, я и приехал,— сказал он, глядя на красные щеки тракториста, на полоску мазута возле губ.

Кудин в эту минуту ненавидел его лютой ненавистью. Никогда еще ни к кому он не испытывал такого жгучего чувства. Лучше всего было бы садануть чем-нибудь тяжелым по этой паскудной роже, чтобы навек захлебнулся красной юшкой. Да нельзя: боялся тюрьмы, и парень — верзила, с таким нелегко справиться. Поэтому Кудин искал слова. Такие, каких он еще никому не говорил, каких еще даже не знал, но какие, он был уверен, найдутся, как только он откроет рот...

Однако первым заговорил парень. Он сузил глаза так, что между веками остались лишь острые щелочки, уголки рта презрительно опустились.

— Ну что,— сказал он,— хочешь мне пару ласковых выдать на прощанье? Погоди, не спеши, дай я тебе сначала два слова скажу. Вспомни Жалан-Кудук. Летом ты проезжал там ночью. Мы работали в поле. И я выбежал на дорогу, поднял руку, помнишь? Ты остановился, выглянул из кабины, спросил: «Деньги есть?» Я даже не успел ответить, только покрутил головой, а ты с места на полный газ, и еще крикнул: «Много вас таких, голодранцев»... Помнишь? А с моим товарищем несчастье, надо было в больницу везти, и машины ни одной... Так вот, знай: умер он из-за тебя, и я на всю жизнь запомнил твою похабную харю, номер твоей машины на всю жизнь запомнил... Ты думал, деньги мне твои нужны? Только ты мог из-за них погубить человека. Возьми их назад... На, на, гад, подавись!..

Парень вытаскивал из карманов мятые трешки и швырял их в лицо Кудину. Подхваченные ветром, они носились во тьме, разлетались по улице.

Потом он включил скорость, и трактор чуть не подпрыгнул —так резко рванулся с места. Обдав Кудина снежной пылью, затарахтел мотором, отшлифованными до блеска гусеницами по сонному поселку.

Кудин стоял посреди дороги, как оглушенный, и только ошалело глядел вслед желтому пятну света, уходившему все дальше и дальше.

Бумажки прибивало ветром к деревянному забору, они мелко дрожали, пока их не засыпало снегом.

Перевела с белорусского
Г. ОСТРОВСКАЯ

Фазу АЛИЕВА

●

Бьется Вечный огонь
у старинной Кремлевской стены,
Как пробитое сердце солдата, навек молодое.
Мы склонились пред ним,
благодарности горской полны,—
Сколько крови содержит в себе
это пламя святое!

Кем он был, этот павший солдат,
как звала его мать,
У него было русское или кавказское имя?
Мы молчим перед ним,
но о чем мы не вправе молчать,
И родные его ныне нашими стали родными.

Вьется вечный огонь,
и звенит, словно колокол, сад
У кремлевских камней,
для народного сердца священных.
Сколько собственных, милых имен,
дорогих, незабвенных —
В нарицательном имени том —
Неизвестный солдат!

●

Ах, ласточка, весны цветущей вестница,
Никак я, помню, не могла взять в толк,
Что делалось в гнезде твоем под лестницей
И почему твой голос вдруг умолк.

Не знала я, девчонка босоногая,
Что, думая о будущих птенцах,
Ты заменила песенку тревогою.
Да и потом, у самого крыльца
Увидев скорлупу пятнисто-белую
И вновь услышав песню над гнездом,
Не знала, что поешь ты колыбельную,—
Главнейшую из всех, что мы поем.

●

Воспоминаньями весь путь мой освещается.
Вот, словно радуга, одним концом тропа
О крышу плоскую в ауле опирается,—
Здесь начинается моя судьба,—
И первый шаг и первая царапина,
И радость первая, и первая беда,
Война и проводы на фронт, улыбка папина
Прощальная... И вот кипит вода,
И мама сыплет в воду краску черную
И перекрашивает белый свой платок...
Так мне ли позабыть тропинку горную —
Начало всех дорог и дней моих исток?

●

Хочу я не морской волной —
Травой омыться луговой,
Всю пыль дорог, пройденных мной,
Смахнуть росистою травой.

Поля созвучьями богаты

Хочу в чудесном просветленье,
На миг былого сбросив груз,
С землей, познавшей обновленье,
Вступить в живительный союз.

И паводков хочу я вешних,
И, выйдя к новому ключу,
На мир внезапно, как подснежник,
Взглянуть по-новому хочу.

●

Поля созвучьями богаты,
Не надо им рифмовника,
Стать рифмой может листик мяты
И лепесток шиповника.

Поэзия весны и лета
Полна пыльцой цветочною,
И корни, скрытые от света,
Сплелись, как рифмы точные.

И зимнее молчанье мнимо,—
Зима — пора не скудная,
И занята земля всю зиму
Работою подспудною.

●

Если напьюсь в пути дурной воды,
Земля, ты оживи свою горянку,
Ударь мне в ноздри духом борозды,
Что вывернута плугом наизнанку.

И я очнусь, и возвращусь назад,
И выйду я с зерном в родное поле,
И разве что с отвычки заболят
Потомственные твердые мозоли.

Порою и крестьянская душа
Подвержена соблазну праздной жизни,—
И, всходами приветственно дыша,
Меня ты не подвергнешь укоризне.

●

Пусть стану для тебя хоть бабочкой,
хоть пчелкой!
Дай под ноги мне луг и высь над головой,
Не помешаю я на ветках птицам щелкать,
И в спор я не вступлю с птенцами и листвой.

Кем я ни стала бы, всем сердцем я ручаюсь:
Я не помню травы, не загрязню ручья.
А если со змеей в дороге повстречаюсь,
То обойдет меня испуганно змея.

Поскольку существо, наполненное ядом,
Уверено, что все вокруг содержат яд.
А тот, кто дарит мед, весь мир считает садом,
В котором все цветы для всех нектар хранят.

●

Мне бабка мудрое сказала слово:
«Наука трудная — понять другого.
Другого если судишь без труда,
То от себя себе не жди суда!»

Чужую душу поняла я позже,
Теперь наука эта мне под стать,
Теперь себя судить я стала строже,
Зато других стараюсь оправдать.

Но сердце у меня от боли сжалось,
О, если б та наука всем давалась:
Себя судить на всем своем пути,
А другу оправдание найти.

●

Много ли о снеге знаем и дожде?
Кто они такие и родились где?
Путь к земле — подъем их или их падение?
Их уход — победа или поражение?
Спорят ли дорогой о добре и зле?
И какая сила их влечет к земле:
Просто любопытство, иль самоотверженность,
Или к путешествиям ярая приверженность?
Что известно снегу и дождю о нас?
Почему на встречу с ними всякий раз,
С ними, белокурыми и длинноволосыми,
Сердце откликается многими вопросами?

●

Сердце забилось, как в печке огонь.
Снега комочек я к сердцу прижала,
Сразу растаял он, и на ладонь
Струйками тихо вода побежала.

Горы! И — летом запахла зима.
То не стручок ли раскрылся бобовый?
И на ладонь мою — вижу сама —
Зерна посыпались, честное слово!

Листик крапивы ладонь мне обжег —
Летом лепешки печем из крапивы.
Горы! Все радости дальних дорог
Меркнут пред этой минутой счастливой.

●

Девочка, как бабочка,
По полю летает,
Розовая шапочка
Меж цветов мелькает.
Две косички черные
По ветру трепещут,
А лужайки горные
Родниками блещут.
В зеркало дрожащее
Загляделась высь —
Солнце восходящее,
Будущая жизнь.

●

Утопаю в снегу лепестковом —
Это с яблони сыплется цвет
Так легко, словно в мире суровом,
Все — полет, а падения нет.

Надо мною трепещет и вьется
Лепесточек — детеныш весны.
Я не знаю, как это зовется,—
Только мысли светлы и вольны.

И, от страха паденья избавясь,
Вижу все, что судьбой мне дано:
Смысл бессмертья — на дереве завязь,
А паденье — мгновенье одно.

●

Порою посмотришь на взрослых детей,
И вступит печаль в наше сердце нежданно...
Подруга моя, не грусти, не жалей,
Что бабушкой сделалась ты слишком рано.

Ты вспомни, как мучился наш Ленинград,
Освенцима пламя и ужас Хатыни,
Ты вспомни о тех, не пришедших назад,—
Тогда-то поймешь, как ты счастлива ныне.

Как шумно, светло и спокойно вокруг!
Пускай же тебя возвышает сознанье:
Тебе, как награду, твой маленький внук
Присвоил почетное бабушки званье.

●

Расстаемся с тобой навсегда.
Вслед гляжу я сухими глазами,
Нет, не так, о, не так я горда,
Чтобы не разразиться слезами.

В горле камнем застыли года
И мгновенья, что прожиты нами.
Мой любимый, беда — не беда,
Если можем излиться слезами.

Ты, когда я была молода,
Научил меня плакать впервые.
Как же можешь уйти ты, когда
Вслед глаза тебе смотрят сухие?!

●

Спят поля, и нет полям границ,
И колосья, в зрелый день входя,
Смахивают с золотых ресниц
Слезы счастья — капельки дождя.

Видит сон земля, а сон глубок:
Ночью пахарь на небо прилег,
На небе, где звезды высоки,
Отдыхают две его руки.

Капли пота сушатся в ночи —
Снится пахарю: в его дому
Круглый хлеб румянится в печи
И, как солнце, тянется к нему.

●

Готова в миг любой да и должна
Я смертью за рожденье расплатиться,
И мне не смерть страшна, а мысль страшна,
Что я могла и вовсе не родиться:

Не видеть мать, не знать родную речь,
Ни горьких слез, ни радостного смеха,
Не испытать ни краха, ни успеха,
И не страдать от наших редких встреч.

Не знать о чуде тютчевского слова
И свет земной в свой стих не воплотить...
Я смертной мукой в час любой готова
Счастливый час рожденья оплатить.

●

Не говори, что слишком поздно...
За эту позднюю зарю
Тебя я нежно, многослезно,
Восторженно благодарю.
Нежданны наши смех и слезы!
А разве в летнюю страду
Нас удивили б абрикосы?
Но если абрикос в саду
Ты вдруг увидишь в день морозный,
То встрепенется в сердце кровь.
Спасибо! Ничего не поздно,
Не может поздней быть любовь.

Перевела с аварского Инна ЛИСНЯНСКАЯ.

Константин ТОЛКАЧЕВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Супруги Гела и Марина Годуадзе.

ДВА ГОДА В СВАДЕ

Трещали свирепые январские морозы. Трещал лед на Лене и ее многочисленных притоках, трещал под ногами снег. Стреляли стволы сосен, по осени выворочненных могучими бульдозерами.

Гела Годуадзе, в меховых сапогах и куртке, в шапке с поднятыми ушами, спрыгнул на перрон станции Лена. В тамбуре с двумя чемоданами нерешительно остановилась красивая грузинка, ее огромные глаза с удивлением смотрели на пробегавших мимо вагона заиндевевших людей.

— Маринка, прыгай, не уроню,— смеялся Гела, а сам поспешно развязывал тесемки на шапке и доставал из-за пазухи меховые рукавицы.

Она выросла в солнечной Грузии и, как большинство южан, имела устойчивое хрестоматийное понятие о Сибири, которая пугала ее своими громадными просторами, свирепыми медведями, которые будто бы стадами бродят за околицами, пугала непроходимой тайгой, снежными буранами и трескучими морозами. Но Гела, в числе первых добровольцев уехавший строить магистраль века, писал такие теплые письма, что сибирские метели казались ей пушистыми, как мимозы. Из писем она знала обо всем, что происходило в отряде, который разбил лагерь в долине реки с нежным грузинским именем Ния,— там пройдет магистраль БАМа и там закончится маршрут свадебного путешествия Марины. Так захотел Гела, а вернее, его друзья, бившие челом начальнику строительно-монтажного поезда «ГрузстройБАМ» Анзору Двалишвили о досрочном предоставлении жениху отпуска, но с непременным условием, чтобы Гела сразу после Нового года привез молодую жену в Нию.

— Прыгай же, а то «Магирусы» уйдут...

Сильный и крепкий Гела уверенно стоял на сибирской земле и даже готов был ловить каких-то чудовищ с неведомым названием, чтобы умчать любимую на сказочную Нию. Можно было спокойно и чинно выйти из вагона по ступенькам, но на душе у Марины было так хорошо, что она закрыла глаза и прыгнула. Крепкие руки подхватили ее и бережно опустили на землю, и Марина, впервые почувствовав под ногами хруст снега, открыла глаза — у вокзала стоял необычный кортеж из трех могучих комфортабельных «Магирусов»: четырнадцатитонных самосвалов, которые мирно урчали моторами. От них навстречу молодоженам бежал Автандил Чхартишвили. И Марина вспомнила письма Гелы о том, как отсюда прошедшей весной шли они, пробиваясь на Нию, по раскисшему зимнику.

...«ГрузстройБАМ» формировал опытный строитель Анзор Варламович Двалишвили. После окончания института он прошел хорошую школу на стройках Грузии. Работал мастером участка, прорабом, главным инженером треста «Пицундастрой». Двалишвили понимал, что тон на БАМе должны задавать специалисты, а рядом с ними можно поставить зеленую молодежь. Через год-два такой коллектив станет монолитным, как гранит.

Гела и Автандил дружили с детских лет. Окончили школу, зубопротезный техникум, работали в лаборатории. Друзья жили беззаботно и весело, но в жизни всегда наступает момент для переоценки прожитого, испытания всех своих духовных и физических сил. Прозеваешь его — будто упустишь из рук волшебную птицу, которая станет потом всю жизнь будоражить сон: почему не удержал?

Когда Гела и Автандил узнали о формировании отряда на строительство БАМа, вся прожитая жизнь показалась незначительной.

— Поздно,— сказали в горкоме комсомола,—на каждое место уже подано по десять заявлений.

Они наивно доказывали, что без них БАМ не построят, просили, потом пришли в ярость:

— По блату путевки раздаете, да?..

Скандал разрастался, но стих так же внезапно, как возник. В комнату вошел высокий, с сединой на висках человек и, узнав в чем дело, твердо сказал: «Этих шалопаев я возьму». Это был Ан-

Вечер на трассе БАМа.

Утро в Ние.

БНОМ ПУТЕШЕСТВИИ»

зор Двалишвили. Так неожиданно просто и благополучно решилась судьба школьных друзей — они попали в бригаду заслуженного строителя Грузинской ССР Отария Дабрундашвили.

Поезд из Тбилиси увозил шестьдесят восемь человек. Одного не хватало — Зиновия Гагарина. Все знали, что он один стоит многих, но его не было, и даже примирение заслуженного винодела Напареульского винзавода Арчила Джашиашвили с сыном Вано не вызвало обычного в таких случаях веселья.

Вано — один из тех богатырей, какими гордится Грузия, штангист и кандидат в мастера спорта по вольной борьбе, всю жизнь побаивался родителя. Не потому, что тот был жестким человеком. Наоборот, отец души не чаял в своем наследнике — растет сильный, красивый, добрый. Все дело в том, что когда Вано появился на свет, старый Арчил на радостях закатил пир и публично заявил, что его сын будет знаменитым виноделом. Мальчику эта профессия была не по душе, но все складывалось, как хотел отец: Вано научился играть на саламури (свирель) и виртуозно управлялся сразу с двумя инструментами, отлично окончил школу и факультет виноделия сельскохозяйственного института. В одном он был признателен отцу — в своем рвении сделать из Вано знаменитого винодела. Арчил Иванович сумел внушить сыну отвращение к употреблению вина.

Старый винодел собрался было передать свою должность дипломированному сыну, но тот первый раз в жизни пошел против воли отца — наотрез отказался и ушел работать на стройку бульдозеристом. Арчил Джашиашвили не на шутку осердился и не смягчился в своем гневе даже тогда, когда сына назначили бригадиром механизаторов.

— Механика хвалят до тех пор, пока работают машины,— пытался уломать он строптивого сына,— винодел же всегда в почете...

Но Вано словно заново родился. С жадностью изучал он дорожные машины, технологию ремонта, своими руками разбирал и собирал бульдозеры. Через два года Вано стал незаменимым в управлении механизации «Пицундастрой» — утром он разбрасывал сломавшуюся бетономешалку, а вечером она уже работала. Конечно, такой специалист был необходим на БАМе, поэтому в списке Анзора Двалишвили Вано стоял вторым.

Старый Арчил приехал на проводы, посмотрел список и укоризненно покачал головой:

— Такой сильный, спортсмен, а не смог обойти Гагарина, чтобы стать первым,— и, улыбнувшись по-доброму, передал в вагон бочонок напареульского вина. Обняв «непутевого» сына, Арчил Иванович все же шепнул ему на ухо: «Я еще поработаю, сынок, а ты подумай: винодел самый уважаемый человек».

Лучшее напареульское стояло в среднем купе, но никто к нему не прикасался. Все видели, как Двалишвили переживает отсутствие Гагарина, и понимали его состояние. Они проработали вместе почти двадцать лет. На любой стройке, где появлялся Двалишвили, через день-два возникал и Гагарин, и Анзор был спокоен за план: Зиновий знал все марки дорожных машин и, как утверждают, «даже на самоваре мог укатать свежий асфальт». Технику любил до потери сознания, и она у него служила в полтора-два раза дольше, чем у других. Отношения между главным инженером треста и механизатором все эти годы оставались строгими, без тени панибратства. Гагарин глубоко уважал авторитет Двалишвили, а тот видел в нем талантливого самородка. Когда было очень трудно, Двалишвили бросал в брешь Гагарина — Зиновий умел работать за двоих, зажечь других, вовремя и деликатно прийти на помощь товарищу. С годами Гагарин перенял высокую культуру инженера Двалишвили и его манеру поведения спокойного и уверенного в своих действиях человека.

Двалишвили простоял в тамбуре до Гагр, поспешно вышел на перрон, но Гагарина не было.

— Эх, Зиновий, Зиновий,— прошептал Анзор Варламович,— первый раз в жизни подвел... Трудно мне будет без тебя.

В Адлер поезд пришел в три утра. Лил проливной дождь. Бамовцы надолго прощались с родными местами, смотрели в окна вагона и пели грустные песни. Вдруг кто-то крикнул: «Гагарин!» По перрону бежал человек с легким чемоданчиком. Да, это был Зиновий Гагарин. Вот когда пригодился бочонок лучшего напареульского, и ему воздали должное!

— Накануне отъезда из Пицунды в Тбилиси пришел ко мне главный механик,— рассказывал Гагарин,— и под предлогом проверки забрал все права. Я бросился в отдел кадров за расчетом и трудовой книжкой — не дают. Бегу к управляющему трестом — тот погрозил кулаком, сам — в машину и на объект. Понимаю, что время уходит, а сделать ничего не могу. Решил бежать с одним паспортом...

Пассажирский поезд шел по расписанию, а следом за ним по «зеленой улице» мчался эшелон с техникой и строительными материалами. В Усть-Кут он прибыл лишь на сутки позже. Ждать, пока его подадут под разгрузку, было опасно, потому что ледовая переправа через Лену могла вот-вот прекратить свое существование, и тогда — до нового ледостава. Двалишвили выплеснул весь запас своей неукротимой энергии, и эшелон загнали на крайний путь. Возле каждой платформы соорудили из шпал эстакаду, и по этим шатким сходням виртуоз Гагарин спустил всю технику на землю. День и ночь шли через Лену бульдозеры, экскаваторы, краны, машины, а утром ненадежный лед был взорван, переправа закрыта. Двалишвили даже не успел получить укоризненную телеграмму «о самовольной вербовке специалистов на БАМ» от управляющего трестом «Пицундастрой» Отара Григорьевича Кучавы—ее привезли вертолетом, когда «Грузстрой-БАМ» приступил к выполнению капитальных работ. Правда, вместе с ней пришел расчет, права и трудовая книжка Зиновия Гагарина, и самое неожиданное — посылки с фруктами и сластями, на которых стоял лаконичный адрес: «БАМ, Двалишвили».

...Марину Годуадзе усадили в кабину первого «Магируса», украшенного зелеными еловыми ветвями, и машины тронулись по маршруту последнего стодвухкилометрового этапа свадебного путешествия. Их путь лежал мимо почты, склад которой был забит новогодними подарками для строителей Нии. Конечно же, Двалишвили знал о посылках и мог сгонять за ними специальную машину, но он умышленно не сделал этого, чтобы появление в поселке первых молодоженов с новогодними приветами из всей солнечной Грузии было более праздничным. Хитрый Анзор Варламович! Он добился своего — Гелу и Марину встречали у околицы как самых дорогих гостей: с песнями и хороводами по трескучему снегу.

...Пронеслись над Нией две сибирские зимы с метелями и морозами. Вырос железнодорожный мост через Лену, стальная нитка магистрали прошла сквозь вековую тайгу мимо станции с нежным грузинским именем Ния, которую сейчас не узнать. На крутолобом склоне сопки рядом с поселком строителей «Грузстрой-БАМа» поднялись красивые жилые корпуса, служебные здания. По улице Руставели мы вышли к теплым гаражам. В мастерской работала бригада чемпиона БАМа по вольной борьбе Вано Джашиашвили. Он уже студент третьего курса того же сельскохозяйственного института, но только другого факультета — механизации.

— В этом году побывал в отпуске,— рассказывает Вано.—Отец смирился с тем, что из меня не получился винодел, и утверждает, что в наше время механик не менее уважаемый человек.

Зиновий Гагарин по утрам расчищает дороги в поселке, а днем работает на кране в бригаде Отария Дабрундашвили. Когда опаздывают машины с плитами перекрытия, Зиновий Дмитриевич садится в кабину «Магируса»; когда прихворнет экскаваторщик — работает на отсыпке пристанционных путей. Надежный человек Гагарин, им можно прикрыть любой участок на стройке.

— Нашли себя на БАМе многие молодые ребята,— говорит Анзор Двалишвили.— Я не ошибся, взяв в отряд «шалопаев». Хорошие, работящие парни.

Гела Годуадзе и Автандил Чхартишвили работали шоферами, сейчас — на кладке служебных помещений станции Ния.

— Накануне шестидесятилетия Октябрьской революции,— рассказывает Гела Годуадзе,— меня и Автандила приняли в члены Коммунистической партии. Оба мы учимся на втором курсе автотранспортного факультета в Братске. Марина? Она тоже здесь, заведует библиотекой и учится с нами в одном институте, только на экономическом факультете.

Марина сидела у стеллажей и разбирала посылки с книгами. Ребята из села Новая Хибула Хобского района Грузии прислали строителям БАМа к Новому году полсотни книг, Батумский пединститут — сто, 31-я средняя школа Тбилиси — сто пятьдесят. Всего в библиотеке сейчас более четырех тысяч томов. Ну, а как идет жизнь?

— Приближаются сплошные юбилеи,— улыбнулась она.— Новый год, первого января — вторая годовщина свадьбы, а четвертого — два года, как я отправилась в свадебное путешествие по Сибири, которое длится до сих пор. Но я не жалею об этом...

Гела и Марина всегда вместе.

Бамовские «новости».

Дома их ждут папы.

Что нового в мире?

Коренной житель Сибири — Гия Ломидзе.

Юлиан СЕМЕНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Горение

32

После того, как Дзержинский подробно рассказал членам Варшавского комитета партии о гибели Мечислава Лежинского, предшествовавшем этому убийстве Микульской, об аресте Баха, который, вероятно, замучен уже, потому что из тюрьмы о нем никаких сведений не поступало; после того, как ответил на вопросы товарищей, Винценты Матушевский, который вел собрание, сказал глухо:

— Прошу почтить память товарища Мечислава минутой молчания.

Все поднялись. Софья Тшедецка, приехавшая из Радома, где отсиживалась на явке, не сдержалась, заплакала.

Дзержинский стоял с закрытыми глазами и вспоминал Мечислава, когда они только познакомились в Берлине, два года назад: то денди в канотье, то прасол, то ремесленник, то загулявший купчина... Дзержинский как-то сказал: «В тебе пропадает дар великолепного актера». «Я знаю,— ответил Мечислав,— и не считай это нескромностью. Я знаю. Я выступал в любительской труппе, в нашем дворянском собрании, но отец просил меня забыть о подмостках. Он говорил, что это яд и что сыну дворянина, землевладельцу и будущему офицеру, надо думать о престиже с малолетства». Дзержинский знал, что Мечислав пережил трагедию: когда он связал себя с социал-демократами, отец запил — единственный сын, а поди ж ты!— кто будет продолжать род, кто станет вести хозяйство? Отец умер от горячки, сердце не выдержало. Мечислав тогда бросил работу, уехал из Кракова и месяц прожил в поместье: с утра уходил в лес, бродил по окрестным деревням, ночевал в полях, чай пил в деревенских развалюхах. Вернулся он подсохшим, еще более натянутым, чем ранее. По прошествии полугода заметил Дзержинскому: «Я убедился в своей правоте. Нельзя жить в роскоши, когда окружает тебя ужас и темень, это как плясать краковяк в холерном бараке, где умирают дети. Я жесток? Что ж делать — жизнь учит... Но, знаешь, Юзеф, я убежден: чем дольше не давать, тем больше возьмут». «О чем ты?»— не сразу понял Дзержинский. «О царе,— ответил Мечислав.— Он бы — страшно сказать — мог спастись, куда там спастись, он мог бы стать «отцом нации», дай хоть малость крестьянину, не запрещай книги Толстого и Сенкевича, но нет, он сам алчет крови. Он ее получит...»

— Прошу садиться,— сказал Матушевский.— Товарищи, какие будут предложения?

Уншлихт взял слово первым:

— Когда Юзеф разоблачил Гуровскую как агента охранки, мы оповестили об этом всех рабочих, воспитательный эффект был заметный. Гибель нашего товарища мы должны обратить на дело живых, мы должны распечатать прокламации, мы обязаны использовать наши возможности в «Дневнике», мы должны провести собрания, на которых расскажем о том, сколь ужасны методы охранки, сколь они постоянны. Мы докажем, что в России ничего не изменилось после манифеста, мы на этом страшном примере разъясним пролетариям, что нет и не может быть никакой веры царизму, что он неспособен ни на какие реформы, что реформа возможна только одна — вооруженное восстание против власти палачей.

Сел — бледный, желваки под кожей перекатываются.

— Кто следующий, товарищи?

Поднялась Софья Тшедецка:

— Не верится, что Мечислава нет больше с нами... Мы все знали, на что шли... Мы знаем, что ждет нас каторга или петля, и мы готовы к этому... Только когда уходит товарищ, в сердце пустота.— Софья помолчала, дождалась, пока подбородок перестал дрожать, поборола слезы.— Мы должны похоронить Мечислава так, чтобы похороны заставили жандармов трепетать от ужаса... Я согласна с тем, что предложил Уншлихт... Все.

Зденек, рабочий с Воли, долго откашливался, на людях выступал не часто:

— То, что говорили, правильно. Только я считаю, что напрасно мы Библию забываем: око за око, зуб за зуб. Попова надо казнить — вот мнение фабричных. А то распоясались, нет на охранку управы, любой закон топчет.

Уншлихт возразил:

— Индивидуальный террор не наш метод, Зденек. Мы не можем пойти на это.

Здзислав Ледер поддержал Уншлихта:

— Обращение к тысячам рабочих даст больше, чем казнь одного мерзавца! Как это ни жестоко — «обращать на пользу дела» гибель незабвенного Мечислава, но мы должны, стиснув зубы, не проронив слезы, которая бы доставила радость сатрапам, получить политическую пользу во имя освобождения рабочего класса. Статьи, листовки, митинги — да, террор — нет!

Збышек, металлург из мастерских Грасовского, предложил:

— Надо провести забастовку в память Мечислава по всем заводам и фабрикам. Я согласен с Уншлихтом: террор не наш метод.

Дзержинский обратился к Матушевскому:

— Позволь?

— Слово Юзефу.

Дзержинский тяжело поднялся:

— Террор не наш метод. Все верно. Я хочу ознакомить вас с циркуляром, который министр внутренних дел Дурново разослал губернаторам через месяц после царского манифеста о свободе. То есть этот циркуляр составлялся и рассылался тогда, когда наши национальные демократы и русские кадеты с октябристами закатывали банкеты и говорили о новой эре, о начале просвещенной и гуманной власти под скипетром государя-умиротворителя. — Память у Дзержинского была поразительная, он запоминал текст постранично, стоило прочитать два-три раза.— Итак, Дурново предписал всех подстрекателей и революционных агитаторов, которые еще не арестованы судебной властью, арестовать; никаких особых дознаний не производить, допросы непотребны, можно ограничиться протоколом, в коем лишь надобно указать причину арестования; не обращать внимания на угрозы собраний и митингов, разгонять протестующих силой, с употреблением, если нужно, оружия; колебания не должны быть допускаемы...

Дзержинский внимательно осмотрел лица товарищей, тяжело сглотнул комок в горле.

— Шла подготовка к введению в империи военного положения, когда никаких формальностей не требуется — расстреливай и вешай, только удержи. В январе началось: объявили на военном положении Акмолинскую и Семипалатинскую губернии, потом всю Сибирь, потом Екатеринослав, Вятскую губернию, Дон, Польшу, Черниговскую губернию, Эстляндию, Симбирск, Днепровский район — от Белоруссии до Крыма... И пошло... В Люблине казнены Марковский, Орына, Барышкевич. В Риге — Озол, в Литве — Юлий Левоцин, в Сибири — гордость социал-демократии Бабушкин, в Вильне — Кроткий, в Вятке — рядовой Фабричный, в Варшаве — братья Чекальские, Хойнецкий, Гусинский, Консержевский, Розенцвейг, Томан, Рифкинд, Талбанский, Пфефер, в Минске — Пухликов, в Севастополе — лейтенант Шмидт, матросы Частник, Антоненко и Гладков, в Чите приговорены к расстрелу Окунцов, Шинкман и Мирский, а Замошников, Хмелев, Костылев, Андриевский, Розов, Беркман, Греков, Богоявленский, Афанасьев, Рыбкин, Дмитриев приговорены к повешению; в Кацдангене казнены Пумпур, Кронберг, Клоп, в Верхнеудинске — Гордеев, Шульц, Медведников, Гольцсоболь, Милютинский, в Херсоне — Жуков, в Кутаиси — Кабелиани; карательными экспедициями Ренненкампфа и Меллера-Закомельского без суда и следствия расстреляно более двухсот человек в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке; экзекуционные отряды в Прибалтийском крае расстреляли без суда и следствия сто пятьдесят человек; более тысячи отправлены на каторгу — в одном только Кронштадте семьдесят пять человек закованы в кандалы! Это то, что нам стало известно. А сколько десятков тысяч наших товарищей томятся в тюрьмах?! А сколько происходит таких злодеяний, каким мы стали свидетелями за последние дни!! А ведь в газетах сообщено, что Попов «проявил геройство в единоборстве с террористом». Он ведь за это крест от властей получит! Так что же мы, станем разоблачать его в печати?! Станем словом бороться с палачом, который нарушает даже ныне действующие законы?! Да, товарищи, мы против индивидуального террора. Но мы сейчас должны решить иной вопрос, в иных условиях: царизм начал против нас смертельную борьбу. Нам не только запрещают выпускать газеты, проводить митинги, назначать забастовки; за нами не только следят постоянно, вскрывают нашу переписку, подвергают травле в правительственных газетах; нам не только не позволяют жить по-человечески, нет, мы по-прежнему существуем в условиях подполья, нас можно арестовать без предъявления обвине-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—52, 1977.

ния, нас можно бросить в тюрьму тайно и держать там столько, сколько захочет Попов и поповы. Царский суд, которому бы надлежало по закону охранять статьи дарованного манифеста, отказался даже рассматривать наше ходатайство о привлечении Попова к ответственности — я доложил вам, как проходила встреча нашего адвоката Зворыкина в судебной палате: «Если бы Лежинский остался живым, его бы вылечили в тюремном госпитале, судили и повесили б!» Повесили бы по царскому суду, а сколько вешают и расстреливают безо всякого суда?! Царизм преподносит нам очередной урок жестокости, силясь запугать нас, заставить нас утихнуть, замолчать, затаиться. Но мы повторяем: «Если нет конца терпенью, тогда нет конца страданью!» Конец терпению наступил, товарищи. Всякое терпение имеет границы. Речь пойдет не об акте индивидуального террора, а о вынесении приговора палачу Попову, который погубил нашего Мечислава, который — в нарушение даже нынешних законов — замучил Микульску, который готовит гнусную провокацию против партии. Казнь Попова будет не актом мести; казнь этого выродка есть акт законный, необходимый; мы берем на себя тяжкую, но необходимую обязанность; мы не станем скрывать своего решения, мы обоснуем его открыто. Я поэтому поддерживаю предложение товарища Зденека. Я ранее выступал против казней разоблаченных провокаторов — вы знаете об этом. Даже Елена Гуровская, отдавшая в руки палачей нашего типографа Мацея Грыбаса, даже она, несмотря на требования большинства, не была приговорена к смерти. Мы настояли на оповещении партии о ее провокаторстве, мы отринули ее с презрением. Там было другое, там был вопрос морального падения человека, не облеченного властью, не вольного решать нашу судьбу своим приговором. Здесь, в деле Попова, все обстоит по-другому. Мы не можем поступить иначе, кроме как объявить ему беспощадную войну — такую же, какую он ведет против нас. Мы хотели бы бескровной перестройки мира. Мы хотели бы мирной передачи власти ничтожного меньшинства громадному большинству, но, видимо, такое невозможно, видимо, всегда, во все времена, путь к правде, к справедливости проходит через кровь, пролитую в сражении, где победит тот, кто убежден в правоте общего дела, кто жизнь отдает за всех — не за себя одного.

Винценты Матушевский не сразу поднялся — ему надо было заключать собрание комитета.

— Кто-нибудь еще хочет высказать свою точку зрения, товарищи?

Снова встал Уншлихт.

— Юзеф, во-первых, твое выступление надобно оформить в листовку, ты формулировал нашу позицию по поводу необходимости вооруженного восстания убедительно и точно. Ты должен высказать то, что говорил сейчас, русским товарищам на съезде в Стокгольме — это будет весомая поддержка позиции большинства. Во-вторых, я как человек согласен с тобою по каждому пункту. Но как социал-демократ я согласиться не могу. Это — отступление от принципов. Условия могут меняться, времена проходить — принципы должны быть неизменны.

— А товарищей наших пусть стреляют!— не сдержался Зденек.— Принципы будут неизменны, и хоронить будем наших по-прежнему!

— Уйдет один сатрап,— вмешался Здзислав Ледер,— а кто сядет вместо него?

— Кто бы ни сел,— заметил Винценты Матушевский,— но ему придется поступать с оглядкой. Он теперь может оглядываться на манифест. А для Попова даже куцего манифеста не существует, он по себе живет, по своему собственному закону. Пусть следующий хоть на манифест оглядывается, пусть запрашивает Петербург, пусть просит согласия судебной палаты, пусть крутится их бюрократическая машина — пока она будет крутиться, народ выйдет на баррикады, на открытую вооруженную схватку и свалит царизм!

— И Плеханов, и Ленин, и наша Роза Люксембург,— настойчиво повторил Уншлихт,— всегда учили нас выступать самым решительным образом против индивидуального террора. Я выступаю за поименное голосование, я не согласен с Юзефом, я считаю, что этот вопрос надо обсудить, пригласив Розу.

Дзержинский, не поднимаясь с места, глухо сказал:

— Я не хотел сообщать: хватит с нас одного горя... Но коль скоро помянули Розу... Так вот, она арестована ночью. Ее увезли в Цитадель. К счастью, пока еще не бросили в карцер, поэтому она смогла сообщить, что завтра ее будет допрашивать полковник Попов Игорь Васильевич...

...В Стокгольм Дзержинский отправился через Петербург, русские товарищи дали надежные явки. Первым человеком, кого он нежданно-негаданно встретил на вокзале, был Кирилл Прокопьевич Николаев, член ЦК октябристской партии.

— Феликс Эдмундович, дорогой!— закричал тот, заметив Дзержинского в толпе.— Здравствуйте, милый человек, вот встреча-то?! Думали, коли без усов, не узнаю?! Едем, меня авто ждет!

Один из филеров, дежуривший на вокзале, в течение получаса вспоминал, где он слышал это необычное имя и отчество: «Феликс Эдмундович». А вспомнив наконец, бросился к новенькому телефонному аппарату, поставленному в полицейском околотке, назвал номер охраны и доложил:

— Государственный преступник Дзержинский, Феликс Эдмундович, прибыл с варшавским поездом в девять двадцать и укатил на авто марки «линкольн», номерной знак «87», вместе с неизвестным высокого роста и вызывающего поведения.

33

— Почему я все-таки с октябристами, спрашиваете?— повторил Николаев, наблюдая, как гувернер Джон Иванович Скотт разливал из громадного самовара черный чай по высоким, тонкого стекла стаканам. Со дня первой встречи, когда Николаев и Скотт помогли Дзержинскому во время его бегства из якутской ссылки, Джон Иванович изменился мало, так же любил поучающе говорить о политике, так же ласково подтрунивал над своим воспитанником, так же умел точно знать время, когда хозяина и гостя надобно оставить одних, для беседы с глазу на глаз.

— Вы, рашенз, странные люди, все спорите и спорите, можно от этого устать,— говорил он, откусывая щипчиками сахар от громадной головы (расфасованный по коробкам Николаев не признавал: «Русский купчишка в малости более поднаторел жулить, чем в большом, размаху еще не научился, в голову ничего не намешаешь, она светиться должна, а в кусочки как крахмалу не подсыпать?! Сам бы подсыпал, имей фабрику!»).— Вы странный оттого, что хотите знат всу правду, до конца,— продолжал Джон Иванович.— Мы, амэрикэнз, тоже странный, но не такие, как рашенз, хотя похожи, очень похожи...

— Это верно,— согласился Дзержинский, испытывая странную радость от встречи с Николаевым: хотя пути их разошлись, но он помнил всегда, что именно Николаев помогал деньгами изданию «Червоного штандара» и что именно Николаев устроил переход границы для Миши Сладкопевцева.— Но мне более угодна странность, Джон Иванович, чем однолинейность,— скучно, когда все можно предположить с самого начала.

— На манифест намекает,— вздохнул Николаев и подмигнул Джону Ивановичу,— сейчас начнет царя бранить.

— Вы его раньше тоже не жаловали, Кирилл Прокопьевич.

— А я и сейчас его тряпкой считаю. Глазами своими серыми хлопает, улыбается и молчит, словно язык проглотил!

— Так ваша партия — главная его защитница! Вы за него говорите.

— Родной мой, как вам не совестно?! Вы же умница, Феликс Эдмундович, вы все понимаете! Не надо так! Я не царя защищаю, я защищаю правопорядок. А он — пока что, во всяком случае — может быть гарантирован России символом! Дайте мне развернуться, дайте протащить еще пять тысяч верст железных дорог, дайте наладить прокат — первым же закричу о замене самодержавия суверенным парламентом и потребую конституции!

— Вы, рашенз, очень странные, вэри стрэндж,— повторил Джон Иванович.— Сначала надо закрепить то, что получил... А вы не хотите закрепить, вы хотите сразу же дальше, визаут остановка...

— Кирилл Прокопьевич, а вы убеждены, что ныне сможете легко и без помех расширять и строить? Вы убеждены, что вам теперь позволят делать дело, как мечтали?— спросил Дзержинский.— Вы убеждены, что казенные заказы будут попадать в руки знающих, а не тех, кто ближе ко двору?

— Убежден. Иначе, коли по-старому все пойдет, Россия будет отброшена в разряд не просто третьестепенных держав, она развалится, станет колонией Европы и Японии.

— Вы считаете, что царь думает об этом?

— Дети-то у него есть?! Об них-то он должен озаботиться?! В конце концов роспись бюджета империи он утверждает! Там ведь все наружу прет! Там все ясно для нас, деловых людей! Помните у Гоголя: «Эх, тройка, птица тройка!» Россия это! Мы любим себя со скоростью равнять, хоть ползем, как черепахи! Так вот французский экипаж, который тоже не стоит, а едет, стоит французам семьсот тысяч франков в час. Нам столько же, хотя мы от них отстаем на добрых полсотни лет. Отчего так? Вы, конечно, станете меня попрекать, что мы с рабочего семь шкур дерем, что он своим потом и кровью правительство содержит,— все так, не спорю, но отчего ж француз нас оббег, только пятки сверкнули?

— Амэрикэнз больше,— заметил Джон Иванович,— американец еще дальше сверкал пятками, чем француз.

— Ты про своих-то, Джон Иваныч, помолчи, вы во время этого бега душу потеряли, страдания лишились, равно как и счастья, сплошная арифметика, а не жизнь.

— Так отчего нас обогнал француз?— поинтересовался Дзержинский.

— Оттого что там, после того как Наполеонов свалили, наши коллеги к власти пришли. Они все и отрегулировали, они, люди дела!

— И вы убеждены, что при нынешнем положении в России сможете все перерегулировать?

— А как же?! Конечно, сможем!

— Из чего строится наш государственный бюджет, Кирилл Прокопьевич?— спросил Дзержинский мягко.— Загните пальцы.

— Вы все к себе клоните, Феликс Эдмундович...

— Да и вы не к дяде, Кирилл Прокопьевич. Два миллиарда российского бюджета составлены из пятисот миллионов, что дает водка, пятьсот — железные дороги, триста — таможня и четыреста — прямые налоги. И все! Азиатчина это! Тьма! Позор! Царь контролирует через государственный, то есть его, банк все финансовые операции, царь владеет двумя третями железных дорог, владеет девяноста процентами всех телеграфных проводов, царю принадлежит треть земли и две трети всех лесов в государстве, Кирилл Прокопьевич! Царь — самый крупный в России финансист, капиталист и землевладелец! И вы полагаете, он поделится с вами правами на монополию?! Полагаете, на конкуренцию согласится?!

— Вы про Думу-то, про Государственную думу отчего не помянули, Феликс Эдмундович?! Ведь она теперь должна будет обладать законодательными правами! У нас теперь финансовая комиссия будет! Мы законы сможем проводить через нее, мы сможем и монополию ограничить! И не как-нибудь, не бунтарски, а по закону, по манифесту того же государя!

— О законе после, Кирилл Прокопьевич. Странно только: умный, деловой человек, инженер, а мало-мальски аналитического подхода к закону ни на грош... Ладно, об этом еще поговорим... А как вы — буде получится — проведете через Думу ломку бюджета?

— Кардинально.

— Хорошо. Это просто-таки замечательно, вам за это Россия в ноги поклонится...

— Теперь поклон отменен, нет дэмокрэтик,— заметил Джон Иванович,— теперь, как в Юнайтэд Стэйтс, надо свистеть тем, кого лубишь...

— Ладно, посвистим,— согласился Дзержинский.— Значит, вы намерены так переписать бюджет, чтобы на народное образование не один процент, как ныне, был выделен, а десять? На пенсии — не три процента, а пятнадцать? На армию расписано тридцать процентов — сократите до десяти? На полицию сейчас отпущено семь. Сократите до одного? Кто вам это позволит, Кирилл Прокопьевич? Вас же в Сибирь за такое укатают! Перекраивая бюджет, надобно поднимать руку на налоговое обложение, Кирилл Прокопьевич! А кто вам позволит это провести? Царь? Ведь сейчас крестьянская семья из пяти душ получает в год триста девяносто рублей, а налогов платит триста восемьдесят шесть! Одно налоговое обложение на сахар, который мы у вас хрупаем, дает семьдесят миллионов прибыли в казну! В царскую казну, Кирилл Прокопьевич! Табачный налог — пятьдесят миллионов прибыли! И вы полагаете, что царь вам свои барыши отдаст?!

— Так он почти столько же тратит, чтобы этот барыш выколотить, Феликс Эдмундович! Он в каждой деревне фискальную службу держит. Им же платить надо!

— Значит, вы готовы возместить царю убытки? Из своих доходов?

— Не все, но часть — готовы.

— Значит, ваш рабочий должен будет получать еще меньше?

— Отчего?

— Так откуда ж вы деньги на воспроизводство получите? Царю отдай, себе оставь, а дальше что?

— Если всю правду рабочим открыть, они поймут, что лишь высокая производительность даст им заработок.

— А почему они вам должны верить? Какие вы можете дать гарантии?

— Ну что вы все норовите меня с рабочими поссорить, Феликс Эдмундович?!

— Я?! Вы сами с ними в ссоре, Кирилл Прокопьевич, вы принуждены будете жать, иначе концы с концами не сведете! И жизнь сама затолкает вас под бок к царю, которого вы так браните, у него станете солдат для усмирения просить.

— Что ж, по-вашему, мы ничего не добились и выхода нет?

— Вы кое-чего добились, да и то пока на словах...

— Отчего вы так слепо, так озлобленно отвергаете манифест? Ну, ладно, ну, верно, булыгинская Дума, которая только графов в Думу пускала, дрянная была, но и мы против нее выступали. И добились своего! Ведь манифест прямо говорит: «Привлечь к участию в Думе те классы населения, которые ныне лишены избирательных прав».

— Неверно!— Дзержинский ожесточился.— Не надо так, Кирилл Прокопьевич! В манифесте сказано иначе: «Привлечь к участию в Думе в мере возможности те классы, которые ранее были лишены прав». А что такое возможность? Это закон. А разве царь отменил булыгинский закон, который и вы бранили? Разве новый закон распубликован? Царь спрятался за формулировочку «в мере возможности», а вы согласились с этой заведомой уловкой! Ваши-то теперь пройдут в Думу, а рабочие — нет! Понизят выборный ценз: раньше, чтоб голосовать, надо было полторы тысячи недвижимости иметь, а низведут до тысячи. А рабочий в год получает триста. На пять душ! Раньше был конфликт между лагерем царя и бюрократов, с одной стороны, и всеми — с другой, а ныне начнется конфликт между лагерем царя, бюрократов, октябристов и кадетов — с одной, а рабочим и мужиком — с другой стороны. Вы к тому же передеретесь в своем лагере, а рабочему с мужиком драться не за что — голы, босы и голодны. Значит, решение социального спора будет оттянуто на какое-то время, но все равно решать придется, Кирилл Прокопьевич.

— Ну, хорошо, а какой выход вы предлагаете?

— Валить царя. Валить бюрократию. Требовать Учредительное собрание, нацеливать народ на республику.

— Которая предпишет меня обобрать,— заключил Николаев.

— Если вы будете посылать казаков с нагайками против тех, кто требует Учредительного собрания для выработки демократической конституции,— конечно! И чем больше станете поддерживать царя, тем больше накопится гнева. Операцию надо делать тогда, когда можно больного спасти.

Николаев хмыкнул:

— Россия... Все по Евангелию: «Сеете много, а собираете мало, едите, но не в сытость, зарабатывающий плату зарабатывает для дырявого кошелька...»

— Иоиль?— спросил Дзержинский.

— Именно... Сам народ во всем виноват, проклят от бога, варягов прогнал — по чванливой дурости, царям-ублюдкам руку сосал, умывал слезами, голодал, а хоругви носил, и мы же, те, кто хочет приучить людишек к делу, оказываемся во всем виноватыми, а?!

— Ясно,— согласился Джон Иванович и продолжил, путая русские слова с английскими: — это угодно хистори, с этим ничего не сделаешь. У вас, в Рашпа, каждый следующий против предыдущего: Кэтрин зе грейт была против Питера, Анна Ивановна против Кэтрин, Пол первый, внук против Питера и Кэтрин, Александр против Пола, обещал все сделать, как раньше, как при грэндмазер, а повел свое, начал делать «бритишстайл», английский стиль, Николай зе фёст против английский стиль, он за стиль богдыхан, побольше вешат, поменьше говорить! Александр второй против Николая — дал реформа в стиле «амэрикэн», возвратил из ссылки декабрьских революшионриес, его взорвали, Александр третий все отменил, что сделал второй, теперь Николай второй выделил вам то, что отобрал его папа...

— Во, какого образованного американца держу,— деревянно рассмеялся Николаев.— У них про это только два профессора на всю Америку знают, а в Россию приехал — сразу думать научился!

— Нам нужен иксчейндж, обмен,— согласился Джон Иванович.— Мы у вас учимся думать, а вы у нас — работать... Мы тупая нация, мы боимся размышлять, чтобы не нарушить то, что ви хэв, что имеем.

— Поди на него обижайся,— сказал Николаев, оборотившись к Дзержинскому.— Если б своих выставлял, а то всем вдовам по серьгам, не чванится... Да, тупые-то вы тупые, но ваши б фермеры не стали, как наши, помещичьи усадьбы жечь.

— Стали бы,— убежденно возразил Дзержинский.

— Оттого, что национальный характер у нас такой — что не так, сразу кровь пускать и дом палить?

— Нет. Дело не в национальном характере, а в социальных условиях. Что могло помочь крестьянину в его варварской, немыслимой нужде? Образование. А что для этого сделано царем? На сто человек десять грамотных, как же можно урожай собрать, если обычай правит мужиком, а не наука?! А инициатива? Ведь деревня отдана исправникам, старостам, стражникам, становым! На каждого мужика сорок тысяч пиявок, право слово! Кредит? Черта с два! Кулак правит на селе, дает ссуду под такой процент, что и Шейлоку не снился! А сколько у мужика земли? Десятина? Две? Треть у царя, остальное у помещика, а он арендную плату взвинтил до того, что земля стоит пустая, а крестьянину, голодному, босому, это видеть невмоготу! Он миром просил у помещика — тот ему отказал, под свист пуль отказал. Вот и начали жечь! И не с тупого и слепого зла, нет, Кирилл Прокопьевич! Нам известно, что в мужицких комитетах стали говорить: «Коли не пожжем усадьбы, дадим кров казакам да солдатам, а так они придут, а жить под открытым небом, а под открытым небом долго не протянешь».

— Но сколько денег зазря пропадет?! Сколько добра, Феликс Эдмундович! Усадьбы — это ведь средства!

— А мужик отвечает: «Ноне стена на стену встала, кто повалит, тот и победитель, и грошей считать нечего! Коли мы победим — таких апосля хоромов настроим, какие барам не снились, и не для их эти хоромы будут, а для наших детей!» Попробуйте возразите! Отправляйтесь в бунтующие уезды — искать далеко не надо, в Псков поезжайте, в Новгород, в Курск, в Эстляндию, в Люблин — постарайтесь с мужиком найти общий язык, обратитесь к нему со своей программой! Я посмотрю, что из этого станется!

— А вы сможете?— хмуро спросил Николаев.— Вы с ними поладите?

— Поладим. Потому что мы требуем справедливого, Кирилл Прокопьевич!

— То есть?

— Равенство, отмена частной собственности на средства производства, национализация.

— А кто мне тогда шпалы будет поставлять?! У меня и так все сроки срываются, оттого что не могу шпал дождаться, казенных начальников тьма, а отвечать некому. А коли национализируете все? Тогда уж и вовсе никто не ответит. «Наше»— значит ничье, Феликс Эдмундович.

— Ну, а коли «наше» — сиречь государственное?

— Да разве можно на нашей хляби построить государство, коим управляет сообщество думающих?! Разве без кнута можно в России? Разве добром да уговором нашего брата прошибешь? Согласен, во тьме живем. Согласен, живем плохо, но в сказки ваши марксовы не верю.

— Хи из прагматик,— вставил Джон Иванович.— Верит только тому, что есть..

— Вы что больше всего на свете любите, Кирилл Прокопьевич?

— Водку,— усмехнулся тот.

— Больше всего на свете вы любите строить свои железные дороги, Кирилл Прокопьевич. Но чтобы их строить, вам приходится хитрить, устраивать банкеты, выпрашивать кредиты, льстить одним, подмасливать других — разве нет? Лишь демократическая республика позволит вам творить по-настоящему.

— Джон Иванович, давай штоф,— сказал Николаев.— Дзержинский меня разбередил.

— Не надо, Кирилл Прокопьевич, вам еще со мной придется помучиться...

— Я уж намучился... Свободы вам мало, бюджет для народа плохой, царь мне конкурент... Прав Джон Иванович, прав: дайте хоть на том закрепиться, что с такой кровью получили. Разве можно из деспотии да в республику? На западе вон сколько лет к свободе готовились!

— Неверно. Или есть свобода, или нет ее вовсе — мы на этой точке зрения стоим.

— Это Ленин говорит.

— Правильно говорит Ленин.

— Утопии он проповедует. Я работать хочу, а мне руки вяжут! Я надеюсь, понимаете, Феликс Эдмундович, я истинно, верующе надеюсь! Не забирайте моей веры, не надо, не отдам. Вы затвердили себе: «Нет свободы, нет прав, нет гарантий». Не надо бы так, Феликс Эдмундович. Вспомните, как мы первый раз встретились, вспомните! Вы ведь тогда бесправным были, парием, за вами тогда гнались, травили, облавой шли, и мне это о-очень не нравилось, нечестно это было и низко: бомб у человека нет, револьвера тоже — пошто за книжку Маркса сажать в острог?! Но сейчас... Спокойно разъезжаете, не таитесь, как равный с равными живете...

Дзержинский поднялся, отошел к окну, поманил Николаева.

— Это кто?— спросил он, когда Николаев стал рядом.— В сереньких пальто? Инженеры? Артисты балета? Филеры это! Они за кем следят? За вами? Или за Джоном Ивановичем? Они за мной следят, Кирилл Прокопьевич, они меня на вокзале ждали, а вы меня от ареста спасли — во второй уже раз. И в третий должны будете. Как, вывезете меня из свободного, демократического Петербурга в Финляндию, а? Или не станете?

Продолжение следует.

РОДНОЙ ОБРАЗ

Особое место в плеяде выдающихся вождей социалистической революции в России занимает М. И. Калинин, тверской крестьянин, рабочий-металлист, а затем государственный деятель, выдвинутый народом из родной среды.

Один из драматических эпизодов биографии Михаила Ивановича Калинина стал основой пьесы калининского драматурга Василия Камянского «Разомкнутый круг». В произведении возникает Петроград 1916 года: война, разруха, разгул реакции; нарастание новой революционной волны...

Постановка на сцене Калининского драматического театра осуществлена В. А. Ефремовой, заслуженным деятелем искусств РСФСР, главным режиссером театра. Премьера состоялась и в городе Калинине и на родине всесоюзного старосты — в селе Верхняя Троица. Благодарно, с горячей заинтересованностью встретили зрители яркий, правдивый спектакль о мужественном соратнике В. И. Ленина.

С большим творческим подъемом выступил в роли Калинина артист А. А. Чуйков. Последовательно, с каждым эпизодом все глубже и полнее раскрывает он образ коммуниста, великого революционера.

Оригинально выполнено оформление спектакля художником Н. А. Македонским; удачно использовала Т. Е. Синицкая музыку выдающегося советского композитора Д. Д. Шостаковича.

Б. БАДЕЕВ

В роли М. И. Калинина артист А. Чуйков.
Фото Н. Бутрехина.

ТРАМ

На совещании Рязанского городского совета профессиональных союзов было решено организовать Театр рабочей молодежи (ТРАМ). Руководство театром было поручено художественно-политическому совету во главе с молодым талантливым режиссером губернского драматического театра Александром Брониславовичем Скибневским.

Начался конкурсный отбор будущих артистов. Условия были такими: возраст — не старше двадцати трех лет, образование — не ниже семилетки, положительная характеристика предприятия, где работает кандидат, рекомендация комсомольской организации. Молодой человек, принятый в ТРАМ, должен иметь сценические и актерские данные. Условия работы в театре — на общественных началах.

Первыми участниками самодеятельного ТРАМа стали кузнец А. Дымков, рабочий К. Волков, слесари П. Мельников и Д. Кудинов, кассир продовольственного магазина В. Городничева, работница горкома комсомола Е. Каштанова, строитель Д. Зотова, художник А. Власов, служащий Б. Зазаев, учащаяся Р. Попова и другие. Всего двадцать человек.

Через два месяца, 15 июня 1929 года, в клубе кожевников состоялся первый спектакль. Давали пьесу П. Голикова «Будни». После премьеры комсомольская губернская газета «Путь молодежи» писала:

«Идея организации театра рабочей молодежи, возникшая по инициативе комсомола, превратилась в действительность. Спектакль, несмотря на имеющиеся недостатки, но благодаря свежей игре несомненно способной и в отдельных случаях талантливой молодежи, произвел приятное впечатление.

Нужно надеяться, что ТРАМ даст свежих, энергичных исполнителей классово-пролетарских пьес и толковых руководителей клубных драматических кружков».

Первый успех воодушевил трамовцев. Через месяц были подготовлены к постановкам пьесы В. Шестакова «Алтайские робинзоны» и А. Скибневского «Тревожный свисток», написанные на местном материале и посвященные борьбе молодежи за порядок и дисциплину на производстве.

Росла известность ТРАМа. Он стал выезжать в колхозы, совхозы, в дома отдыха. В течение летнего театрального сезона ТРАМ осуществил более двадцати спектаклей, обслужил 8600 взрослых зрителей и 3500 детей, для которых был создан специальный репертуар. Все спектакли были бесплатными.

Трудностей было много, и с костюмами и с декорациями, но любовь к сцене, комсомольский задор и пламенные сердца увлекали молодежь.

Как же сложилась судьба трамовцев, комсомольцев двадцатых годов? Прежде всего об организаторе ТРАМа А. Б. Скибневском. Он заслуженный деятель искусств Белорусской ССР и Удмуртской АССР, доцент кафедры режиссуры Харьковского института искусств, автор нескольких пьес, монографий, статей по вопросам театра.

Бывший актер ТРАМа Борис Зазаев долгие годы был директором Театра юного зрителя и театра драмы в Рязани, актером и режиссером Государственного русского драматического театра в Якутске. В настоящее время на пенсии.

Валентина Городничева после ТРАМа выступала в театральном коллективе клуба железнодорожников. Екатерина Каштанова продолжала участвовать в художественной самодеятельности города. В последние годы она работала в областной библиотеке. Актер и художник ТРАМа Константин Власов до сих пор работает художником, Бажанов много лет работал в заводском Дворце культуры. Борис Богачев в Великую Отечественную войну командовал артиллерийским подразделением, Павел Мельников был политработником, Александр Дымков — участник войны, полковник запаса, Константин Волков — профработник. К сожалению, судьба многих трамовцев еще неизвестна. Интересно было бы узнать, как сложилась их жизнь.

А. ЖУРАВЛЕВ,
бывший актер ТРАМа

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Конкурс «Строка в биографию страны» по просьбе читателей редакция решила продолжить и в 1978 году. Условия конкурса опубликованы в № 52 за 1977 год.

Приглашаем вас, дорогие читатели, принять участие в конкурсе.

страницы минувшего

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ИЗВЕСТНО

НОВОЕ О ГЕРЦЕНЕ И ЕГО ОКРУЖЕНИИ

И. ЖЕЛВАКОВА,
кандидат исторических наук

«Местонахождение подлинника, оригинала неизвестно». Исследователь и читатель с сожалением и досадой останавливаются перед каждой потерей, перед каждой утратой («вещь сгорела во время пожара», «рукопись пропала во время войны» и т. п.). Хорошо еще, если оригинал воспроизведен, скопирован, сфотографирован. А если этого сделать не удалось и живописное произведение или рисунок, рукопись или документ ушли от нас безвозвратно?.. К счастью, нередко художественные создания продолжают свою жизнь, правда, оставляя порой еле заметный след, постепенно к тому же стираемый временем. Задача в том, чтобы этот след обнаружить.

Магическое «местонахождение неизвестно» — как правило, приглашение к действию, сигнал к немедленным поискам. Удастся ли разыскать?

Более двадцати лет тому назад большой знаток герценовской иконографии Н. П. Анциферов, разбирая изобразительные материалы «пражской коллекции» (архива Герцена — Огарева, переданного в дар Академии наук СССР чехословацким правительством), не обнаружил там нескольких портретов жены А. И. Герцена—Натальи Александровны. А ведь портреты были, и в 1914 году самому исследователю посчастливилось видеть один из них в Лозанне в кабинете дочери Герцена.

О «портрете масляными красками Натальи Александровны Захарьиной (вероятно, Рейхеля)» свидетельствовал и внук писателя Николай Александрович Герцен, составивший доскональную опись герценовских материалов. Более определенно говорил об этом портрете М. К. Лемке, задумавший проиллюстрировать первое полное собрание сочинений и писем Герцена, начавшее выходить под его редакцией в 1915 году: «Масляными красками. Рейхель. 1842. По пояс, en face. Сидит, облокотившись на столик. У Нат. А. Герцен (дочери.— **И. Ж.**)...» Замысел иллюстрированного издания так и не был осуществлен, фотографию с портрета, автором которого определенно назывался художник К. Рейхель, сделать не удалось.

Передача «пражской коллекции» бесконечно расширила границы герценовской иконографии. Обогатилось и наше представление о женщине, чье «дивное действие» на Герцена определило необыкновенную, поразительную по своей гармонии и накалу чувств жизнь двух людей. Обнаружились сверх известного изображения Натальи Александровны — акварели работы художника К. Горбунова — новые ее портреты. Но многое, ранее известное по описаниям и свидетельствам, увидеть не удалось. Не нашлись, например, карандашные рисунки самой Натальи Александровны, никогда не учившейся рисовать, но обладавшей несомненным талантом.

М. Лемке в свое время уточнял, что, помимо набросков, изображающих детей, Наталья Александровна рисовала профили с Энгельсона, его жены, Хоецкого, Бакунина, Фогта... Из них лишь один набросок — «Тата, Ольга и Энгельсон» — был известен по фотокопии из «пражской коллекции».

Но где же другие наброски, силуэты? И где портреты самой художницы?..

Сейчас стало возможным ответить на многие из этих вопросов.

...На портрете женщина с правильными, но несколько крупными чертами лица. Ее глубокие грустные глаза, одухотворенность во взгляде, передающем сильные душевные движения, ее исполненная спокойной простоты и изящества поза выдают личность незаурядную. Она сидит, повернувшись к зрителю, непринужденно облокотившись правой рукой о столик. На портрете дата «1842 год» и подпись художника.

Перед нами тот самый большой портрет маслом работы Рейхеля, о котором некогда говорил Лемке.

Холст возвращает нас в Новгород 1842 года. Н. А. Герцен в ту пору — жена ссыльного, во второй раз испытывающая тяготы провинциального бытия. Лишившись «по милости гонений» двоих детей (достаточно вспомнить «Былое и думы» — эпизод вызова Герцена в III отделение, предшествующий новгородской ссылке), настрадавшись и все же не утратившие верований и надежд, Наталья Александровна вновь готовится стать матерью. Неясные ожидания усугубляют в то время тяжелые и пессимистические настроения самого Герцена. В его новгородском дневнике появляются несвойственные его деятельному и жизнелюбивому характеру слова о тягостном и ужасном его положении, о нелепости навязанной ему службы и глухом раздражении от собственного бессилия что-либо изменить... Особенно тревожит Герцена болезненное состояние жены, резко ухудшившееся в последний период.

9 мая 1842 года Герцен записывает в дневнике: «Вся жизнь ее до свадьбы была мученье, два года счастья и потом новые мученья — физические. Как же быть довольным жизнию? Ее болезнь и преследования — две черные нити, глубоко вплетенные в нашу жизнь». Жизнь в Новгороде, по словам Герцена, идет нехорошо. Уединение и однообразие провинциального захолустья отдаются холодом и пустотой. Но рядом друзья.

В июле 1841 года происходит знакомство Герценов с семейством К. Я. Рейхеля. «...Сосед наш Рейхель,— пишет Наталья Александровна,— неоцененный человек,— художник, юноша в 50 лет, неограниченной доброты, путешествовавший лет 20, неистощимый в рассказах, с большим образованием и познаниями, и для бедного Александра это истинный клад».

Рейхелю мы обязаны двумя (ныне известными) карандашными портретами Герцена, рисованными в Новгороде в первой половине 1842 года (12 июля 1842 года Герцены уже покинули Новгород). Тогда же Рейхель берется за большое масляное полотно. Ему позирует Наталья Александровна. Художник читает в глазах женщины тревожное ожидание новых испытаний, но чувствует силу ее и характер. Он передает ту серьезную одухотворенность недюжинной личности, которой не впервой делить горе со счастьем (вспомним ее запись в дневнике, подаренном Герцену: «...и наслаждение и страдание необходимы для полной жизни»).

В этом холсте не ощущается того внутреннего сияния, которым пронизан портрет Н. А. Герцен с первенцем Александром, написанный годом раньше К. Горбуновым, нет в нем и безнадежного трагизма портретов последних лет. И все же это Наталья Александровна, почитаемая современниками как одна из самых замечательных женщин своего времени, совсем новый, неизвестный нам ее облик.

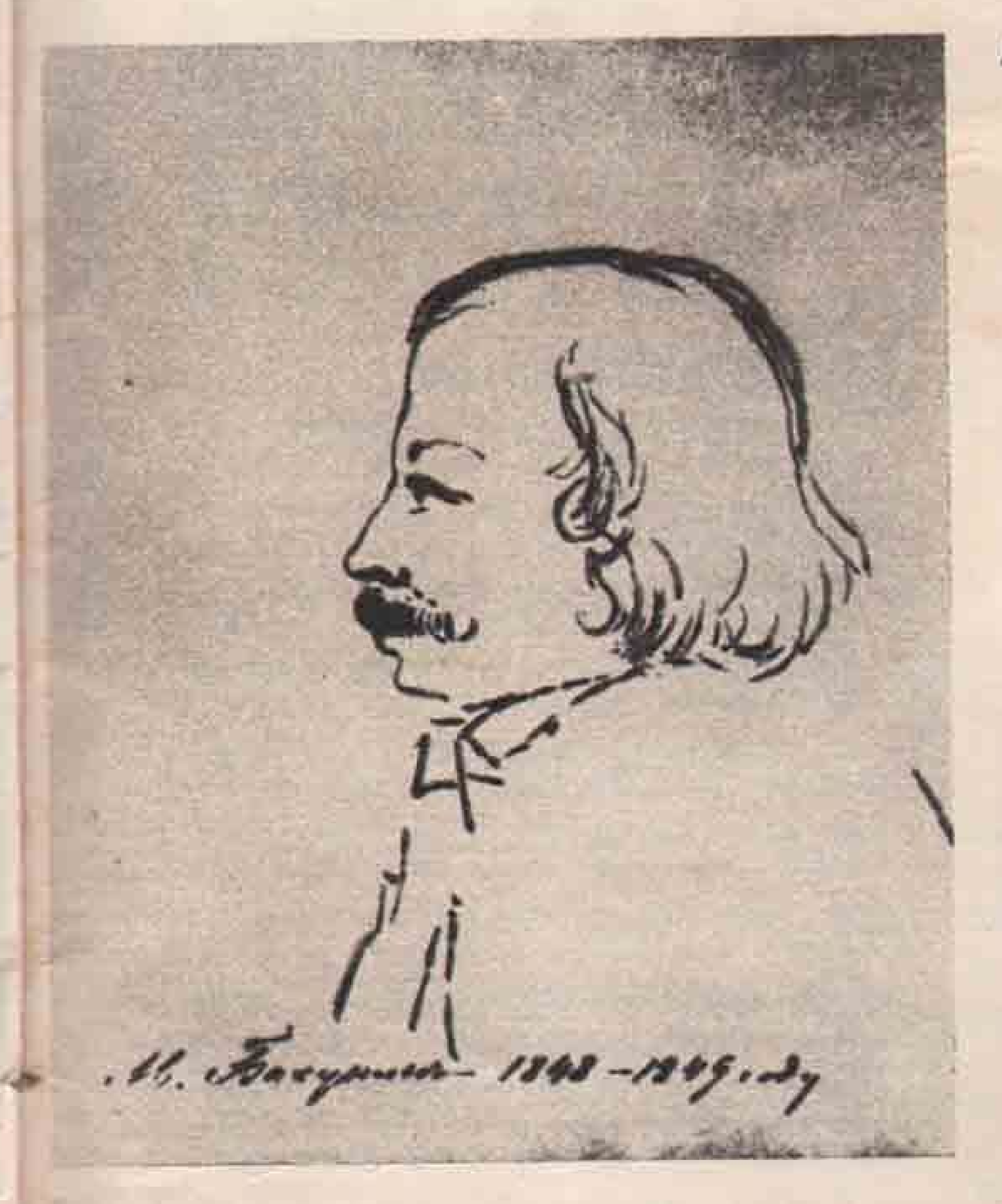
Сегодня можем мы воспроизвести и карандашные рисунки Н. А. Герцен, сделанные ею за рубежом. Рисовальщица точно зафиксировала время и личность портретируемых. «Yvan Tourgeneff 1850 Paris»,— читаем подпись рукой Натальи Александровны под превосходным профилем Тургенева, неизвестным его портретом, не вошедшим даже в перечень Лемке.

И далее: «М. Бакунин 1848—1849-м году», «Влад. Энгельсон 1850—51», «М^{м}. Энгельсон 1850—51», «Э. Хоецкий», дети Герцена — почти все изображения нам неизвестные, составлявшие некогда папку рисунков Натальи Александровны, исчезнувшую с горизонта исследователей в начале XX века.

Но особенно радует встреча с новым Тургеневым. Портрет этот, «схваченный на лету», можно сравнить, пожалуй, лишь с профильным изображением писателя работы Полины Виардо, сделанным примерно в эти же годы. События того времени, когда портрет создавался, восстановить нетрудно. Хотя лучше начать со знакомства Герцена и Тургенева, происшедшего в конце февраля 1844 года в Москве.

Их встреча к сближению не привела. Тургенев остался холоден. Герцен иронизировал: «Хлестаков образованный и умный, внешняя натура, желание выказываться и fatuité sans bornes (безграничное самомнение)...» Судьба вновь столкнула их в Берлине в 1847 году, затем в предреволюционном Париже. Жизнь стирала частные недоразумения, давняя неприязнь исчезла. В Париже Герцен, Наталья Александровна и Тургенев — свидетели «общественного одушевления» кануна революции, высокого накала июньских событий 1848 года и гибели республики. Начиная с июня 1848 года Тургенев уже «свой», он постоянный участник политических и литературных разговоров, ведущихся в доме Герценов, и Герцен им теперь «доволен со своей стороны». «Нравственно он чрезвычайно развился...» — замечает Александр Иванович в одном из писем.

В 1849—1850 годах встречи Герценов и Тургенева еще более учащаются и становятся, по словам Натальи Александровны, «как-то теплее». В апреле 1850 года Тургенев готовится к отъезду в Россию, и это горячо обсуждается. Герцен и Наталья Александровна опасаются, как бы участие Тургенева в недавних событиях 1848 года не повредило ему, вызвав преследования русских властей. А пока отъезд со дня на день откладывается, Тургенев наведывается к Герценам почти ежедневно. Вспоминая о жизни семьи в апреле 1850 года, Наталья Александровна замечает: «С половины восьмого вечера до половины девятого, войдя в нашу гостиную, вы можете быть уверены, что застанете всех, больших и малых, молодых и старых, — с карандашом в руке...» Страстью рисовать карикатуры, овладевшей домом Герцена, настоящей «портретной манией» заражен и Тургенев, как известно, художник незаурядный. Тургенев рисует портреты всех, замечает Герцен в одном из писем. «Я же столько

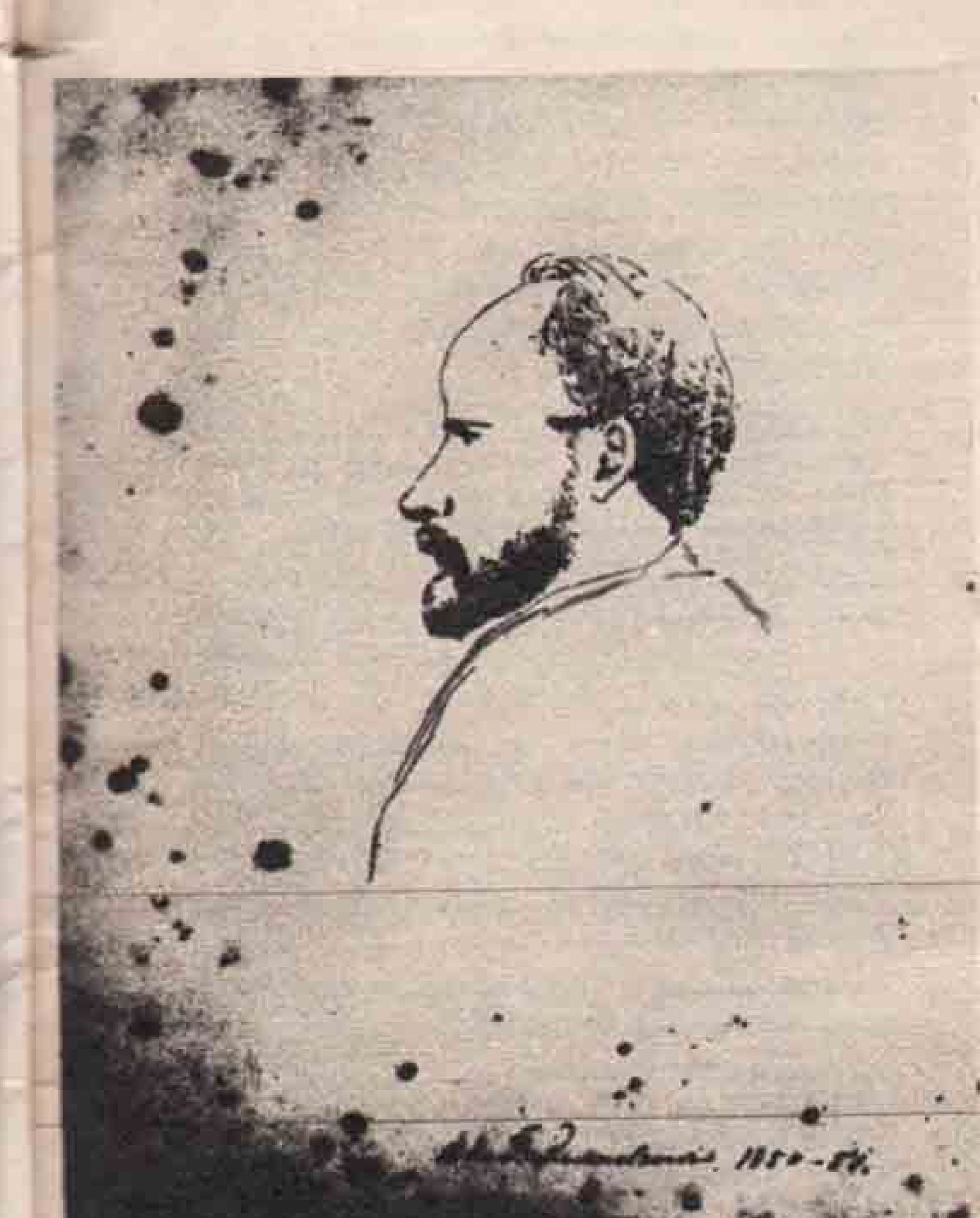

М. А. Бакунин. Рисунок Н. А. Герцен.

И. С. Тургенев. Рисунок Н. А. Герцен.

Н. А. Герцен. Портрет работы К. Я. Рейхеля. 1842 год.

В. А. Энгельсон. Рисунок Н. А. Герцен.

(Все портреты публикуются впервые.)

позирую, что скоро превращусь в маркиза Позу». Очевидно, в один из таких коллективных сеансов апрельским вечером 1850 года появился портрет и самого Тургенева. Памятью о писателе, вскоре покинувшем Париж, осталась и книга стихотворений А. Кольцова 1846 года, подаренная «Наталье Александровне Герцен от Тургенева 12 апреля 1850 г.» [1].

Больше им увидеться не было суждено. Через два года Натальи Александровны не стало.

Возможно, что «изобразительной эпидемии», захватившей дом Герцена в апреле 1850 года, мы обязаны редким портретом Карла-Эдмунда Хоецкого, польского революционного эмигранта, литератора и публициста, близкого знакомого герценовской семьи, бывшего в это время постоянным участником рисовальных вечеров. Второй портрет Хоецкого датирован Натальей Александровной 1851—1852 годами и сделан, очевидно, уже в Ницце, куда Хоецкий выехал вместе с семьей Герцена, высланного из Парижа по обвинению в революционных связях и участии в неблагонамеренных журналах.

Теперь стало возможным представить себе облик и других персонажей «Былого и дум», в частности из очерка «Русские тени», рассказавшего о трагической судьбе двух русских людей, оказавшихся на чужбине,— бывшем участнике кружка Петрашевского В. Энгельсоне и его жене.

Н. А. Герцен оставила поистине «живые портреты», дополняющие характеристики «Былого и дум»: его — «худого, бледного, чахоточного, рыжевато-белокурого», ее — молчаливой и скрытной «с лицом от натуры прекрасным, но искаженным невралгиями и каким-то тревожным беспокойством». «...Быстро увядшая красота, истомленная, полуразрушенная, измученная»,— писал Герцен. Рисованные портреты относятся к 1850—1851 годам, к периоду тесного сближения семей, когда Энгельсоны не только всякий вечер бывают у Герценов, но некоторое время живут с ними в одном доме.

Интересен и новый портрет М. А. Бакунина. Знакомство Герцена с Бакуниным относится к тем далеким московским временам, к 1839 году, когда Бакунин, страстный и непримиримый, был идолом «молодежи гегельской» (выражение Герцена), бесконечно увлеченной немецкой философией. Новая встреча с Бакуниным происходит через восемь лет в Париже. «Он выглядел более усталым, более грустным, чем в России,— вспомнит Герцен в 1851 году,— но он был далек от отчаяния; трудно жилось в 1847 году». Вскоре Бакунин вновь появится в доме Герцена, но обстоятельства опять резко разведут их. Герцен — в Риме, Бакунин выслан из Франции. Впереди баррикады и битвы революционной Европы, впереди гонения и жестокая расправа. В мае 1851 года революционер Бакунин был выдан австрийским правительством царским властям. В европейских демократических кругах интерес к судьбе «славного мученика», погребенного в русской тюрьме, был необычайно велик. Герцен откликнулся статьей. Думая, что она будет использована Ж. Мишле в его книге «Легенды демократии», Герцен писал историку: «...Прошу вас располагать моей... заметкой о Бакунине». И добавлял: «Посылаю вам... небольшой эскиз, который моя жена набросала по памяти. Сходство довольно большое».

Мишле был доволен портретом, присланным по его просьбе. Очевидно, что, не имея возможности достать один из известных портретов Бакунина, Наталья Александровна решилась сделать по памяти несколько набросков. Она нарисовала Бакунина, каким они помнили его с Герценом в 1847 году,— сутуловатым, со «светло-голубыми глазами, широким и квадратным лбом и... довольно большим ртом».

Отыскались теперь и портреты детей Герцена — Саши, Оли и Таты, рисованные Натальей Александровной незадолго до ее смерти.

Местонахождение подлинников ныне известно.

Их адрес — Париж, Версаль, дом, в котором некогда жила дочь Герцена Ольга и подолгу гостила ее сестра Наталья Александровна, а теперь проживает правнук писателя Л. К. Рист. Фотокопии портретов присланы им в Государственный литературный музей, открывший свой новый филиал — Музей А. И. Герцена.

Здесь нашли свое место, обретя новый адрес, многие драгоценные реликвии Герцена и его семьи, возвращенные на родину потомками великого русского писателя-демократа.

[1] Надпись публикуется впервые.

УСТАЛОСТЬ МОЖНО ПОБЕДИТЬ

Наступил новый год. Впереди ждут нас новые свершения. И чтобы осуществить их, мы должны быть здоровыми, бодрыми, полными сил. А напряженный физический и умственный труд вызывает усталость. Как избежать ее! Как бороться с этим недугом! Существуют ли лекарства против усталости! Эти вопросы привели меня во Всесоюзный научно-исследовательский институт лекарственных растений, к руководителю лаборатории фармакологии и народной медицины, доктору медицинских наук С. Я. СОКОЛОВУ.

— Сергей Яковлевич, часто приходится слышать, что проблему усталости называют главной проблемой века. Почему именно сейчас, в конце двадцатого века, когда, казалось бы, появилось множество машин, автоматов, механизмов, облегчающих физический и умственный труд людей, вопрос о переутомлении стал так остро?

— Усталость — результат не только тех физических перегрузок, которые испытывает человек, но и психических, эмоциональных.

Скажу так: многие люди разучились щадить себя. И часто это результат не столько необходимости, сколько легкомыслия, неумения организовать свой отдых, недостаточного понимания сложнейшего, часто необратимого процесса, происходящего в нашем организме.

Оговорюсь сразу: и интенсивная физическая работа и умственные, психические нагрузки — необходимое условие для нормального существования человека, для развития его интеллекта. Они не только не опасны, но необходимы для здоровья. Мало того, перед тренированностью мышц человека и его мозга усталость отступает. Я говорю только о развитии патологии переутомления. Основную роль при этом играет истощение центральной нервной системы, и главным образом ее высших отделов — коры головного мозга и подкорковых центров. От их деятельности, способности к компенсации, тренированности зависит общая работоспособность организма.

Расход нервной энергии требует постоянного восполнения. Приведу такой пример: головной мозг, вес которого составляет всего лишь два—два с половиной процента от веса тела, потребляет около двадцати процентов всех энергетических ресурсов организма! В результате хронических перегрузок эти энергетические ресурсы истощаются, подобно тому как «садятся» батарейки радиоприемника.

В наш век, который называют то атомным, то кибернетическим, то веком синтетики, высокомеханизированное производство требует от человека непрерывного внимания, напряжения, не только физического, но и интеллектуального. Безусловно, автоматы на производстве и дома, быстрый транспорт и прочее облегчают нашу работу и быт, но оказывают влияние и на психику, на здоровье. Передвижение в метро, поездах, самолетах, а дома стиральные машины, пылесосы, телевизоры добавляют внешне совсем, казалось бы, незаметные нервно-психические воздействия. Прибавьте к этому тот огромный поток разнообразной информации, которую ежедневно получает и перерабатывает наш мозг. И вот результат: сначала слабость, бессонница, потом головные боли, неврозы и, наконец, тяжелые заболевания, а порой и потеря трудоспособности вообще. И что печально — процент возникновения подобных случаев на базе переутомления растет с каждым годом.

— Обычно расход энергии при тяжелом физическом труде человек восполняет дополнительной пищей. А чем заряжаются «аккумуляторы» мозга? Может ли быть так же пополнена растрата нервной энергии при умственном труде?

— Вы совершенно правильно отметили, что когда мы много работаем физически, то значительно больше должны есть. При умственной, интеллектуальной работе такой закономерности не наблюдается, хотя логика вещей подсказывает необходимость пополнения энергетических ресурсов извне и при умственной деятельности. Восполнить дефицит энергоресурсов можно с помощью витаминов, аминокислот, минеральных солей, микроэлементов. Весной и осенью, когда происходит наибольшая утомляемость организма, особенно необходимо использовать в пище мед, рыбий жир, смородину, шиповник, облепиху, морковь, яблоки, свежую капусту, творог, кислое молоко. Эти продукты богаты витаминами и минеральными солями, необходимыми организму при тяжелой и физической и особенно умственной работе.

Не буду оригинальным, если скажу, что никогда не устареют старые добрые средства против усталости: сон, свежий воздух, спорт. Если у человека тяжелая физическая работа на воздухе, то вечером можно посидеть часок у телевизора, почитать книгу. А вот если трудиться приходится в душном помещении, то прогулка на свежем воздухе просто необходима.

Ученые разработали и специальные лекарства против усталости.

— Вы имеете в виду стимулирующие средства?

— Ни в коем случае! К сожалению, они очень распространены сейчас, особенно в капиталистических странах. Такие препараты, являясь исключительно сильными, биологически активными соединениями, очень опасны при широком амбулаторном, а тем более самостоятельном применении. На какое-то время они парализуют чувство усталости, как кнутом подстегивают клетки нервной системы, которые начинают работать сверх своих возможностей, на износ. И в результате вместо улучшения наступает патологическое угнетение основных жизненно важных функций организма, что очень вредно сказывается на общем состоянии здоровья.

Разумеется, в медицинской практике для лечения целого ряда болезней применяются и стимуляторы, и успокаивающие средства, и различные снотворные. Но, говоря о лекарствах против переутомления, я имею в виду лишь тонизирующие препараты, полученные из растений, которые предотвращают усталость и выгодно отличаются от синтетических тем, что не имеют вредного побочного действия.

— И такие препараты созданы в Институте лекарственных растений?

— Да. Создание их—плод труда многих специалистов. Долгое время мы экспериментировали почти на всех видах животных. Моделировали состояние острого и хронического утомления, депрессии и перевозбуждения. Изучали действие составных частей будущего препарата на работоспособность нервных клеток коры головного мозга и подкорковых центров.

Лечебный препарат против усталости называется сапаралом. Попав в организм, он подзаряжает «аккумуляторы» головного мозга, противодействует истощению энергии нервной ткани, восстанавливает утраченные силы, создает хорошее настроение. Действие его эффективно в течение многих месяцев после применения.

Надо сказать, что в нашей стране профилактика усталости и создание лекарств против переутомления имеют особо важное значение. При социализме жизнь человека продлилась, смертность снизилась. Значительно возрос в обществе процент пожилых людей. Вот почему я считаю, что борьба с утомлением, помимо чисто медицинской задачи, несет в себе большое социальное значение, продлевая трудовое долголетие и творческую активность человека.

— С каким существующим лекарством можно сравнить механизм действия сапарала?

— С настойкой знаменитого «корня жизни» — женьшеня, известной в медицине многие столетия. Надо сказать, что некоторые дальневосточные родственники женьшеня в десятки раз превосходят его по стимулирующему эффекту. Сапарал создан на базе как раз такого растения — аралии маньчжурской.

Конечно, сапарал — далеко не панацея от всех недугов, хотя он не только позволяет бороться с усталостью, но и повышает общую сопротивляемость организма.

Помимо сапарала, который лечит усталость, нами предложены препараты, которые мы называем восстанавливающими. При хроническом утомлении уставший организм всегда, в той или иной степени, страдает нарушением обмена веществ. Например, в тканях мозга нарастает дефицит углеводов, накапливаются отходы, шлаки: аммиак, молочная и пировиноградная кислоты. Страдает энергетика нервной ткани как за счет нехватки главного энергетического поставщика — глюкозы, так и за счет дефицита витаминов, аминокислот, микроэлементов, минеральных солей. Восстанавливающие препараты включают в себя эти компоненты. Они налаживают обмен веществ и удаляют из организма вредные продукты распада, что предотвращает развитие утомления.

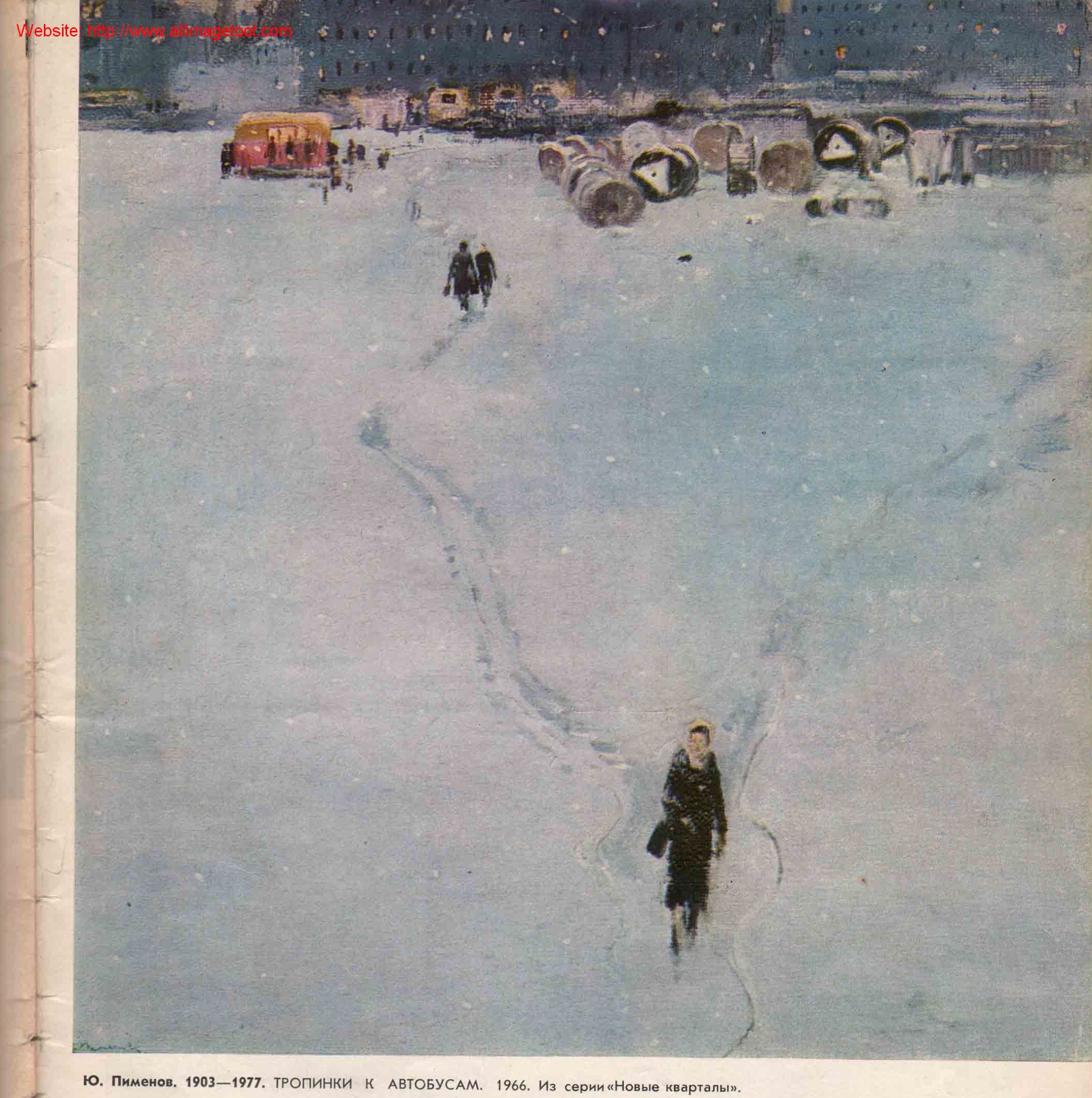
— Сергей Яковлевич, сейчас больше, чем когда либо, наблюдается интерес к целебному действию трав. Препараты, о которых рассказали вы, тоже созданы на их основе. Можем ли мы сказать, что народная медицина подсказывает ученым новые пути поисков?

— Честно говоря, я не очень люблю этот термин — «народная медицина», хотя он общепризнан и даже входит в официальное название нашей лаборатории. Помоему, как нет народной математики, физики или астрономии, так нет и народной медицины. Есть бытовой опыт использования разных растений с лечебными целями, который естественно должен входить в медицинскую науку. Без этого я не мыслю ее дальнейшего развития. Кстати замечу, что в нашей стране почти каждый второй препарат изготавливают из растений, а для лечения сердечно-сосудистых болезней они составляют около восьмидесяти процентов. И я убежден, что процент лекарств на растительной основе неизбежно будет возрастать.

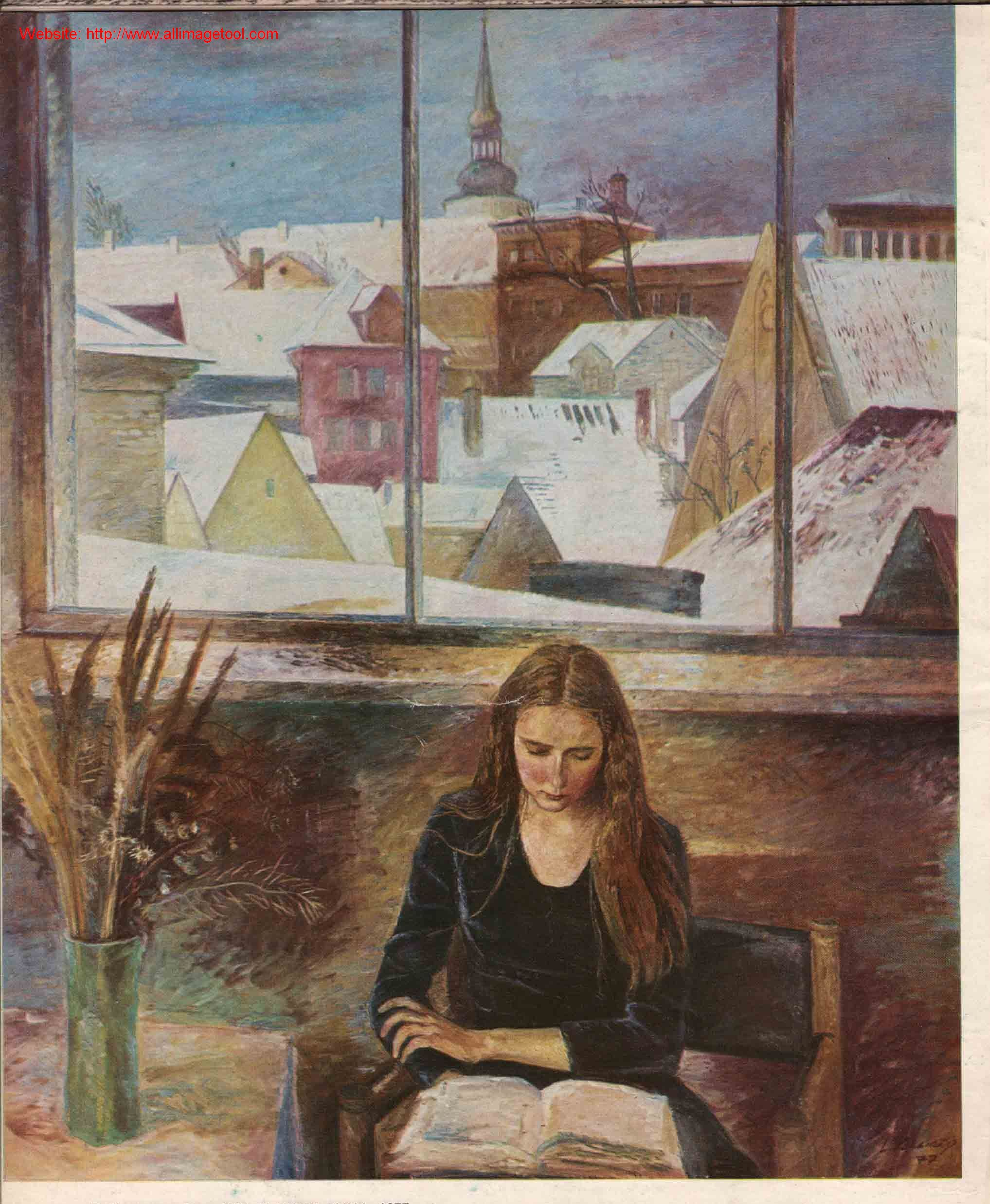
Но здесь встает другой вопрос: бесконтрольное самолечение травами тоже опасно и может принести немало вреда. Это животное безошибочно находит то единственное растение, ту травинку, которая поможет ему справиться с болезнью. Человек не обладает столь тонким чутьем. Он идет «методом проб и ошибок». А «ошибка» может стоить потери здоровья.

Не скрою, для медиков было бы очень заманчиво найти вещество, которое, словно прикосновение волшебной палочки, мгновенно превращало бы переутомленный, больной организм в отменно здоровый. Но значительно реальней — разумно сохранять свое здоровье, не разрушать его, всегда помнить о необходимости профилактики переутомления. И в новом году я желаю всем читателям «Огонька» бодрости и здоровья, радостного творческого труда, не знающего усталости.

Беседу вела Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

Ю. Пименов. 1903—1977. ТРОПИНКИ К АВТОБУСАМ. 1966. Из серии «Новые кварталы».

Л. Кокамяги. Род. 1921. ТАЛЛИН. ЗИМА. 1977.

«По ленинскому пути» — всесоюзная художественная выставка, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

ПАПИНО ХОББИ

Л. ЖЕЛНИНА

К нам приходили гости и говорили про хобби.

Я спросила у папы:

— Хобби — что это?

Папа перестал читать, поправил очки, задумался и сказал:

— Как бы тебе проще объяснить? Это отдушина, понимаешь, увлеченность чем-нибудь в часы досуга...

Я ничего не поняла и пошла к маме. Она жарила на кухне картошку.

— Мамочка, что такое хобби?

— Хобби? — переспросила мама и попробовала прямо с ножа хрустящую картошку.— Это значит заниматься не своим делом. Как, например, наш папа. У него хобби — ломать домашние вещи.

И мне все стало ясно. Но мой папа не ломает вещи, он их чинит. По выходным дням папа ходит за мамой следом.

— Лена,— говорит он,— может, что-нибудь нужно починить?

А мама жалобно отвечает:

— Алик, я тебя умоляю...

Давным-давно папа починил утюг. И хотя после ремонта остались лишние винтики, утюг работает до сих пор. Когда мама гладит, внутри у него что-то перекатывается.

— Не утюг, а погремушка какая-то,— говорит мама.

Еще папа чинил приемник. После этого мне разрешили играть продолговатыми, такими маленькими лампочками, которые не вошли вовнутрь. Приемник я теперь включаю, чтобы заводить пластинки.

Один раз папа сказал мне:

— Идея... Пока мамы нет дома, приготовим ей сюрприз. Давай покрасим полку для обуви?

— А кисточки?

— Зачем кисточки? У нас есть пылесос...

И папа достал из картонной коробки блестящий железный шар.

— Сейчас мы его приспособим...

Мы развели краску в банке, прицепили к ней резиновый хобот и включили пылесос. Он противно загудел, как зубная машинка, и вдруг стал быстро глотать краску. Прямо захлебывался от жадности.

— Тьфу! — сказал папа и быстро выключил мотор.

— Что теперь нам будет? — спросила я.

— Ничего, все поправимо,— ответил папа бодрым голосом.

Мы разобрали пылесос, почистили его, завинтили, как было раньше, но он не работал. Мы расстроились и положили его на место.

Мама, конечно, рассердится и накажет папу. Меня-то можно поставить в угол и не разрешить смотреть по телевизору «Спокойной ночи, малыши». А папу в угол не поставишь. Но мама знает, как наказывать папу. Она целый вечер не будет с ним разговаривать. Дома у нас станет очень тихо. Молчит мама, молчит папа, и мне придется молчать. С морской свинкой ведь не поговоришь. Лучше бы уж у меня был попугай или братик.

Мама сразу увидела совсем крохотные пятна на полу.

— Что вы красили? — спросила она.

Папа думал, что сказать. А мама посмотрела на мое виноватое лицо и потребовала:

— Говорите немедленно, что случилось!

— Понимаешь,— медленно начал папа.— Я только хотел проверить... Действовал строго по инструкции...

— А он взял и сломался! — помогла я.

— Кто? — испугалась мама.

— Да пылесос наш, мы хотели тебе сюрприз сделать,— объяснила я.

— Этого еще не хватало,— огорчилась мама.— Хорош сюрприз! Он что, совсем сломался?

— Совсем,— виновато кивнул головой папа.

— Может, хрипит, скачет, квакает, наконец, но все же работает?

Папа вздохнул и пообещал, что он собственноручно отнесет пылесос в починку.

В мастерскую пылесос не взяли. Целых два вечера у нас в доме после этого была тишина...

Ненужные железки мама выбросила. Остались две половинки от металлического шара. Мы насыпали в них землю, поставили на балкон и посадили настурцию.

Наши знакомые спрашивают:

— Где вы достали такие симпатичные вазоны?

— Мы не доставали,— говорю я,— мы сделали их из нового пылесоса.

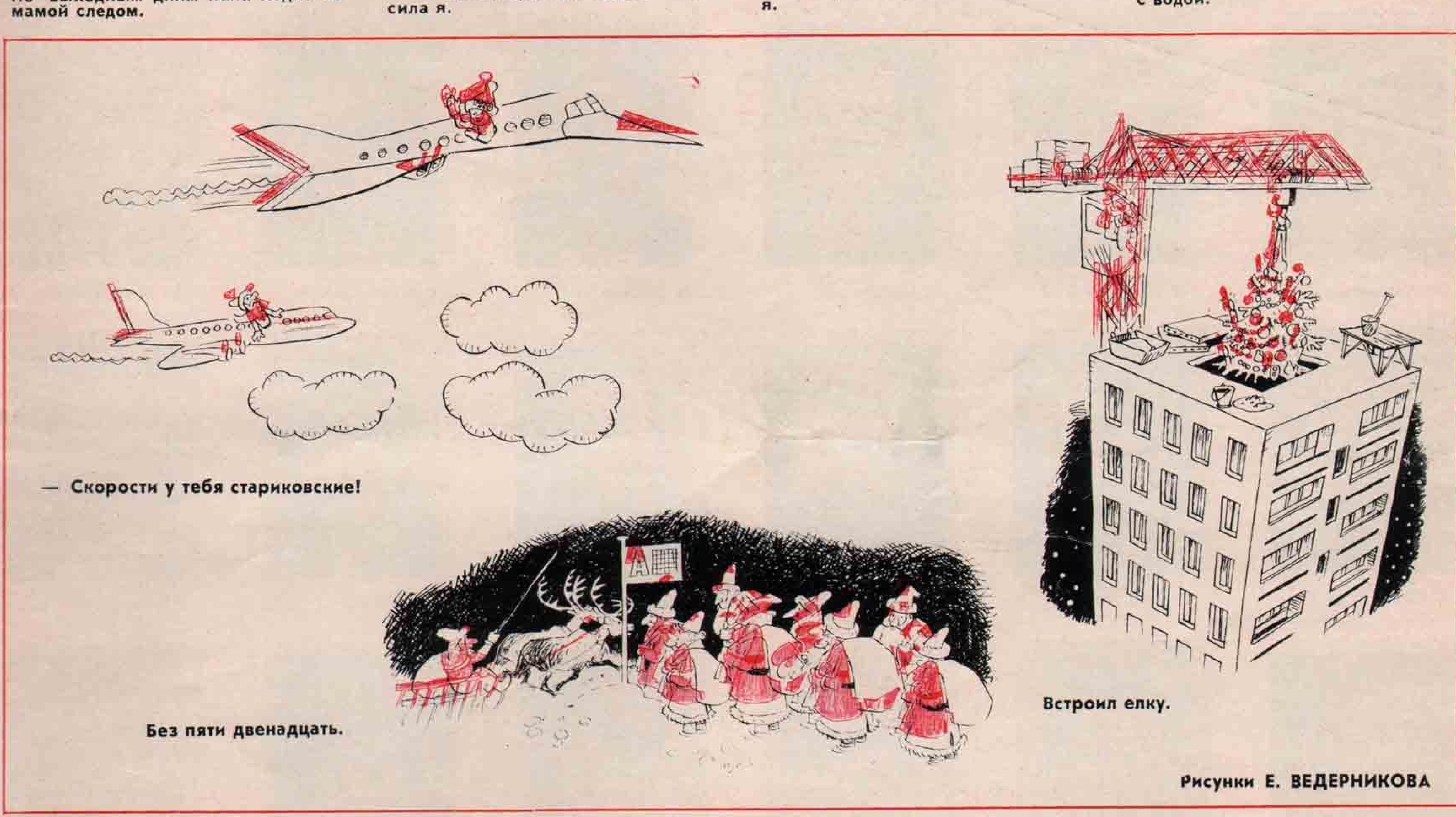
Знакомые смеются и не верят.

Я слышала недавно, как папа упрекал маму:

— Почему ты вызвала мастера? Я бы сам исправил телевизор. Интересно покопаться в схеме...

— Извини, пожалуйста,— ответила мама каким-то странным голосом,— но у нас еще остался холодильник...

Я думаю, что мама просто пошутила. А если нет, то из-за папиного хобби нам придется хранить продукты на балконе или в ванне с водой.

— Скорости у тебя стариковские!

Без пяти двенадцать.

Встроил елку.

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

ДУШЕВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

С. БОРИСОВА

Она занимала целый угол и почему-то все время разбухала, грозя затопить всю кухню. И настал день, когда жена сказала мне:

— Или я, или она!

— А может быть, и ты и она? — предложил я третий вариант, но тут же понял, что выступил неудачно.

— Чтобы через десять минут духу ее здесь не было! — уточнила обстановку жена.— Хватит, натерпелась...

Я выбросил белый флаг и принялся собирать пустую тару, и самому-то мне, честно говоря, порядком надоевшую. В сумку она не помещалась. В рюкзак тоже... Наконец я запихнул ее в большой отпускной чемодан и затянул ремни. На прощание я позволил себе отвести душу:

— Одни пьют боржоми и соки, а другие таскают за них бутылки...

— Где справедливость? — посочувствовала жена, открывая мне дверь на лестницу.

...На улице пекло солнце, проклятый чемодан оттягивал мне руку, и каждый встречный во дворе ласково спрашивал:

— Отдыхать собрались? А почему без супруги?

Желанная «точка», разумеется, оказалась закрытой. Рядом на пустом ящике сидел детина и грелся на солнышке.

— Друг... Будь другом, друг! — несвязно, но горячо воззвал я к нему.— Прими...

— Душой бы рад,— отозвался детина,— да рабочий день кончился...

— Не нести же обратно,— убеждал я.— Прими хоть по гривеннику...

— По гривеннику я только у родных и близких принимаю,— грустно сообщил он.— Ишь, чего захотел — по гривеннику...

— Ну хочешь — по пять копеек? — гордясь своей щедротой, предложил я...

— Не пойдет... Да ведь если кто узнает, что я после шести, да по пятачку принял,— проходу не дадут... Засмеют... Отвали со своим сундуком...

Я представил себе обратный путь — и сломался...

— Ладно... Возьми так.— Простонал я.— Задаром...

— Да ты что? — изумился приемщик.— За дурачка меня держишь? Этак много вас таких набежит — на дармовщинку... Освободите двор! — И он перешел на «вы»...

— Ну почему на дармовщинку, почему вы так решили,— попытался я урезонить его.— Вот, пожалуйста...

Я пошарил в карманах и наскреб там рубль с полтиной.

— Да уж не мелочись, добавь еще маленько,— поощрил он меня.

— Честное слово, нету больше! — Я готов был рвать на груди рубаху.

Неожиданно приемщик смягчился:

— Давай свои пузырьки. Чтоб только в порядке мне были...

Он зашел внутрь сарайчика и открыл заветное окошко. Я дрожащей рукой выставил все свои бутылки и банки...

— Вот эту не возьму,— сурово сказал он.— Щербинка на горлышке.

Глядя на него в упор, я прохрипел из последних сил:

— Пачку сигарет могу добавить... Хочешь — бери, а нет...

— Черт с тобой! — поспешно согласился детина.— Давай... Только из уважения...

...Обратно я шагал налегке, с пустым чемоданом. Зато сердце мое было переполнено восторгом и благодарностью.

«Какое счастье — встретить такого чуткого, душевного человека!» — подумал я и радостно подмигнул встречному таксисту.

М. Андриасов

Г. Губанов

Ю. Барабаш

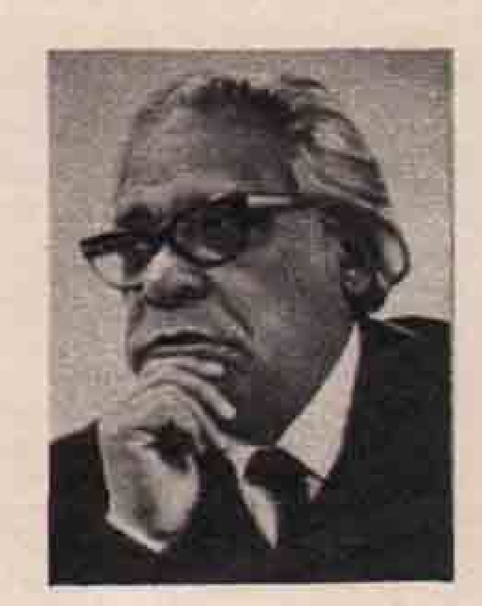

Ю. Беличенко,

В. Лубяко

А. Бочинин

В. Викторов

Е. Винокуров

Н. Гильен

А. Говоров

Е. Девятисильный

Е. Долматовский

М. Каноат

И. Касумов

О. Кинкладзе

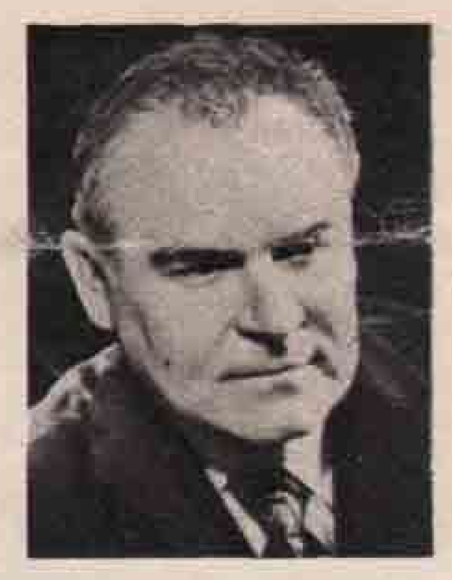

Н. Козловский

Г. Куликовская

М. Куприянов

Д. Налбандян

Б. Олейник

Е. Осетров

А. Парпара

С. Пенчева

Ю. Помченко

Н. Савельев

Н. Скатов

М. Стуруа

И. Тункель

С. Флор

А. Р. А. Хамиси

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЁК» ЗА 1977 ГОД

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями и грамотами лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1977 года:

М. Андриасов, Г. Губанов — «Мать солдата» (№ 19), очерк; Ю. Барабаш — «Дорога из прошлого в будущее» (№ 32), статья; Ю. Беличенко, В. Лубяко — «Малым рекам — большую заботу» (№ 30), статья; А. Бочинин — «Пою о современнике» (№ 19), «За журавлем» (№ 41), фотоочерки; Ж. Бриер (гаитянский поэт) — «Ленин» (№ 42), поэма; С. Бродский, П. Пинкисевич — иллюстрации к собранию сочинений Ги де Мопассана; Б. Вагабзаде — «Заботы-дни» (№ 52), стихи; В. Ванслов — «Многогранный талант» (№ 13), статья; Л. Васильева — «Из людей простых...» (№ 43), статья; В. Викторов — «Бетонный шлагбаум» (№ 8), очерк; Е. Винокуров — «Возвращение из путешествий» (№ 49), стихи; Н. Гильен (Куба) — «Огонь и надежда» (№ 46), стихи; А. Говоров — «Под звездой вечерней» (№ 4), стихи; Е. Девятисильный — «Заботы земледельца» (№ 38), статья; Е. Долматовский — «Из новых стихов» (№ 17); Б. Ефимов — «Зря стараетесь, господа!» (№ 30), «Две конститу-

Ж. Бриер

С. Бродский

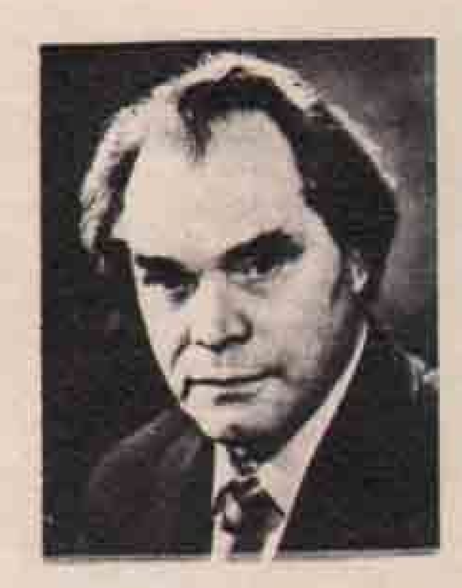

П. Пинкисевич

Б. Вагабзаде

В. Ванслов

Л. Васильева

Б. Ефимов

В. Жуков

П. Загребельный

Зульфия

А. Калинин

С. Калиничев

П. Крылов

Н. Соколов

В. Лейбовский

Н. Лейкин

А. Миньковский

А. Награльян

С. Попов

А. Сребницкий

Ю. Прокушев

И. Роднина

С. Токарев

А. Романов

Н. Храброва

О. Шестинский

А. Шогенцуков

Н. Шумаков

П. Штилиха

А. Щербаков

ции» (№ 42), политические плакаты; В. Жуков — «Пускай стихи суровы и просты» (№ 9); П. Загребельный — «Анастасия» №№ 15—19, 28—30), роман; Зульфия — «Тебя воспеваю, жизнь!» (№ 10), стихи; А. Калинин — «На станции Миллерово» (№ 31), очерк; С. Калиничев — «Люди добрые» (№ 20), «Новоселье» (№ 40), очерки; М. Каноат — «От вершины к вершине» (№ 20), статья; И. Касумов — «Дорога света» (№ 22), статья; О. Кинкладзе — «Семья, школа, государство» (№ 33), статья; Н. Козловский — «Главный шлях Украины» (№ 36), обложки и цветная вкладка; Г. Куликовская — «Есть такая династия» (№ 35), очерк, «Что за стружкой?» (№ 49), статья; М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов (Кукрыниксы) — «За правду — против лжи» (№ 45), политические плакаты; В. Лейбовский (В. Левский) — «Быть испытателем!» (№ 7), «Труженики космоса» (№ 51), репортажи; Н. Лейкин — «Нравственные уроки жизни» (№ 7), «Попутные» вопросы» (№ 33), статьи; А. Миньковский (Польша) — «Сердце, поделенное пополам» (№ 41), очерк; А. Награльян — «Стальной остров на Каспии» (№ 22), «Война и мир камню» (№ 37), обложки и цветные вкладки; Д. Налбандян — «Счастье служить народу» (№ 32), статья; Б. Олейник — «Радуга над прудом» (№ 23), стихи; Е. Осетров — «Ода Москве» (№ 44), очерк; А. Парпара — «Благодарение земле» (№ 48), стихи; С. Пенчева (Болгария) — «Вкус счастья» (№ 3), очерк; Ю. Помченко — «Горький, горький запах полыни» (№№ 19, 20), повесть; С. Попов, А. Сребницкий — «Бремя лидера» (№ 47), очерк; Ю. Прокушев — «Кремень-слеза» (№ 3), «Сила слова» (№ 10), статьи; И. Роднина, С. Токарев — «Негладкий лед» (№№ 10—14), документальная повесть; А. Романов — «Любовь Орлова» (№ 6), статья; И. Савельев — «Зеленые ветры» (№ 14), стихи; Н. Скатов — «Некрасовская Русь» (№ 29), статья; М. Стуруа — «Канатоходец с 42-й стрит» (№ 28), памфлет; И. Тункель — «Выстрел» (№ 8), «Времени неподвластно» (№ 43), обложки и цветные вкладки; С. Флор — «Карпов ждет соперника» (№ 16), «Сквозь призму полувека» (№ 50), статьи; А. Р. А. Хамиси (египетский поэт) — «Москве» (№ 13), поэма; Н. Храброва — «Зодчие» (№ 24), «Красные паруса» (№ 32), «Что за письмами?» (№ 43), очерки; О. Шестинский — «Жизнь свою оглядывая крупно» (№ 36), стихи; А. Шогенцуков — «Резьба по камню» (№ 49), стихи; Н. Шумаков — «Когда рождаются рассветы» (№ 30), стихи; П. Штилиха (Чехословакия) — «Незабываемая встреча» (№ 27), очерк; А. Щербаков — «Балл за бал» (№ 22), «Вкус картошки» (№ 37), «Операция «Земля» (№ 42), очерки.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ МАРШРУТЫ

Евгений АНТОШКИН,
специальный
корреспондент
«Огонька»

После заснеженных декабрьских улиц и площадей Москвы все кругом казалось нереальным. Небоскребы Гаваны вырастали на изумрудно-бирюзовой глади океана. Буйно цвели кустарники, и желтые кокосовые плоды грудились над пальмовыми стволами. Вдоль набережной, обнявшись, гуляли парочки, с шорохом проносились автомобили. И хотя я много слышал и читал о Кубе, сразу ко всему увиденному привыкнуть было невозможно.

О чем бы ни заговорил сейчас с кубинцем, разговор обязательно сведется к фестивалю. О нем напоминают транспаранты и лозунги. Эмблемы фестиваля встречают тебя всюду: и у витрины магазина, и у входа в гостиницу, рядом с афишами кинотеатров, и на стеклах машин. Фестивалю посвящаются специальные программы радио и телевидения. О фестивале пишут газеты и журналы. Им живет сейчас вся Куба. И поэтому первый мой визит был к товарищу Луису Мендесу — вице-президенту исполнительного комитета народной власти провинции Гаваны.

— Чем ближе фестиваль, тем напряженней становится наша работа по благоустройству города. Решать приходится многие вопросы. Снос ветхих зданий, строительство спортивных площадок, мест для дружеских встреч, размещение делегаций. Затраты фестиваля огромны, поэтому для создания его фондов мобилизована вся молодежь страны. Да и проведение политической работы среди населения Гаваны, для подготовки его к встрече посланцев всех континентов требует много времени. Что говорить, поезжайте по местам, где будут проходить основные события. Архитектор Фильберто Морера вам все покажет.

* * *

Зима. Погода и в тропиках неустойчивая. Соленые волны с грохотом ударяют о парапет набережной Малекон, захлестывая подчас и проезжую часть дороги. Чуть поодаль от нас урчали бульдозеры, то и дело подъезжали машины с цементом.

— На этом месте строится фонтан встреч,— пояснил Фильберто Морера.

В день открытия фестиваля взметнутся вверх струи воды, и радуга огней осветит радостные лица молодых посланцев земли. Здесь будут обмениваться адресами, значками, автографами. Преобразится и парк имени Антонио Масео, любимое место народных гуляний. Помолодеют и стены древней крепости Эль Морро. Здесь словно оживет сама история. Сцены героических сражений с захватчиками, борьбы за независимость и радость победы — все это пройдет перед глазами присутствующих.

— Ну, а как практически готовится наша молодежь к всемирному форуму,— продолжал Фильберто Морера,— вы увидите в Сандино и Сантьяго-де-Куба.

* * *

Томас — лихач, виртуоз.

— Томас,— говорю,— у твоей машины нет крыльев, а то мы уже взлетели бы.

— Нет проблем,— утешает он, бравируя знанием русского языка.

С Томасом всегда весело. Если дорога ему нравится, он поет. Вот и сейчас, по пути в Сандино, он напевает знаменитую «Гуантанамеру». Вдруг из радиоприемника зазвучали «Подмосковные вечера». Пела популярная артистка Кубы Росита Форнес. Словно вспомнив о чем-то важном, Томас быстро открыл ящичек и достал какую-то бумажку.

— Москва, Рита.— Томас показывает конверт с московским адресом, где, видимо, живет его знакомая.

Когда машина набирает километров сто сорок, Томас неожиданно начинает жестикулировать, что-то показывать руками, о чем не может сказать.

— Томас, мы же разобьемся.

Не обращая внимания на мои слова, он продолжает:

— Я очень люблю русский, знаю много-много слов,— домкрат, колесо, люблю. Машина — хорошо! Все хорошо!..

Заиграла ритмичная музыка. Томас, как по барабану, бьет руками по рулю. Он весь в музыке, в ритме, истинный кубинец.

Пытаюсь заговорить о фестивале. Томас словно ждал этого и тут же подхватил:

— Фестиваль — хорошо. Много девушек. Много танцев.

— Томас, где ты выучился русскому языку? — спрашиваю.

— Рита, девушка, Москва. Рите привет, Москве привет, всем привет. Рита приедет на фестиваль.

Где-то впереди раздался долгий призывный гудок, отмечающий начало смены на заводе по переработке сахарного тростника.

— Поехали в бригаду,— предложил сразу начальник отряда Антонио Альварес, когда мы остановились у штаба,— а то скоро начнется обед, и мы никого не застанем. Только придется пересесть в «газик», дорога дальше не очень ровная.

— Вас, видимо, интересует, что такое Сандино? — начал разговор член провинциального комитета Союза молодых коммунистов Кубы Луис Чакон.— Это ударный молодежный отряд рубщиков сахарного тростника — мачетеро. Две бригады его соревнуются между собой. Одна из них названа в честь предстоящего всемирного фестиваля молодежи и студентов на Кубе — «XI фестиваль»,— а вторая носит имя III съезда Союза молодых коммунистов. Год этот особый, поэтому на сафру отбирались самые достойные. А продолжается она ни много ни мало сто восемьдесят дней, с октября по апрель. Встаем рано. С шести утра уже слышен звон мачете. С двенадцати до двух перерыв, а там — до пяти. В тропиках темнеет быстро. Надо успеть умыться, поесть. Не забываем и о спорте, о художественной самодеятельности. Девиз у нас один: все для фестиваля.

— Отряд наш,— продолжает Антонио Альварес,— в этом году взял самые высокие обязательства. Вот здесь по традиции,— кивком головы он указал на заросли сахарного тростника,— каждый год работало 1200 человек, а в нынешнем году только 600. Бригада «XI фестиваль», руководимая Хоакином де ла Крусс, вместо 280 арроб сдает каждый день по 600 арроб тростника на человека. Это высший показатель по стране. За счет экономии и перевыполнения идут большие отчисления и в фонд фестиваля. В прошлом году за хорошие показатели в работе нас премировали поездкой в Советский Союз, например, я был у вас в Сибири, на БАМе и могу сказать, что кубинские юноши и девушки трудятся с таким же энтузиазмом, как и ваша молодежь.

— Антонио,— спрашиваю его,— что тебе больше всего запомнилось в нашей стране?

Он на минуту задумался и вдруг, посерьезнев, ответил:

— Самое большое впечатление осталось от посещения Мавзолея Ленина. Трудно это выразить словами, но мне казалось, я всю жизнь ждал этого мгновения, чтобы пройти с бесконечной вереницей людей по брусчатке Красной площади и взглянуть на лик самого великого человека земли.

Машина наша остановилась у поля, где работали в основном девушки. Далеко к горизонту уходили сложенные в кучи стебли срубленного тростника, и в каждой по 25 арроб.

— Тростник, прежде чем рубить, поджигают. Должны обгореть листья, иначе к нему не подступишься,— пояснил Хоакин де ла Крус.

Когда мы возвращались обратно, я спросил Хоакина, почему тростник убирают вручную.

— Работа эта тяжелая, но, как видите, местность у нас пересеченная, холмистая, машиной здесь не возьмешь. Но большую часть тростника убирают теперь в стране комбайнами. Хотя сафра продолжается около шести месяцев, работа не заканчивается круглый год. Уберем тростник, завод остановим на ремонт. Чистим поля, вносим удобрения. Сахарный тростник — растение многолетнее. Срубишь стебель, корень остается. А через год он снова вырастает. И так продолжается до тридцати лет. А потом уже надо поле вспахать и посадить новые черенки.

* * *

Мы снова оказались у штаба отряда. Доска соцсоревнования, вымпелы победителей, плакаты и эмблемы фестиваля. Обстановка, очень похожая на ту, что встретишь у нас в любом общежитии БАМа или КамАЗа. За чашечкой крепкого кубинского кофе разговор зашел о новых книгах, о поэзии. Кубинцев интересует все о нашей жизни. Естественно, заговорили о строителях КамАЗа, где я недавно был. И стихи прочитанные и рассказ о громадной стройке, казалось, были понятны и без переводчика.

— А недавно,— говорит бригадир Энрике Кобо,— смотрели кинофильм «Освобождение» о героических страницах вашей истории. И «Премию». Очень всем понравилось. Такие картины учат молодежь стойкости и мыслить по-государственному. А чехословацкий фильм «Вальс миллионов» важен для нас как наглядный пример подготовки к фестивалю.

Мы возвращались в Гавану, обгоняя груженные сахарным тростником машины. По проселкам сновали юркие тракторы «Беларусь». И, разметав крылья, белая, похожая на чайку, птица коко, словно сторож, торжественно парила над плантациями сахарного тростника.

* * *

Тысяча километров отделяет Сантьяго-де-Куба от Гаваны. Кубинцы о нем с гордостью говорят, что он мятежный вчера, гостеприимный сегодня и героический всегда. Кого только не видел Сантьяго, окруженный горами Сьерра-Маэстра! Закрывая вход в бухту, древняя крепость Эль Морро напоминает о пиратах. Века прошумели над ней, а она стоит невозмутимо, забытая всеми. Видел город и пиратов нового времени — американцев. Нет, нет да и промаячит вдали их черное плавучее чудовище, спешащее к Гуантанамо. Это здесь молодой Фидель с горсткой храбрецов штурмовал неприступные стены Монкады. Недаром кубинцы называют Сантьяго колыбелью революции.

Ослепительно солнце Сантьяго. Кажется, что оно зарождается здесь прямо над головой, чтобы залить своими живыми лучами всю Кубу. Плоды манго и пальмового дерева, розы и магнолии и еще какие-то диковинные тропические цветы сопровождали нас всюду в тот декабрьский зимний день, когда мы встретились с Эльером Гарселем, членом провинциального комитета Союза молодых коммунистов.

— Мы знаем о ваших знаменитых субботниках,— сказал компаньеро Гарсель.— Вот и сами решили провести «красный воскресник», вся выручка от которого пошла в фонд фестиваля. Мы должны собрать два миллиона двести тысяч песо. Наполовину план уже выполнили. Устраиваем концерты, выступления, сборы от которых также идут в общую копилку. Художники, скульпторы, артисты и поэты также вносят свой вклад в это благородное дело. Ведь девиз фестиваля: «За антиимпериалистическую солидарность, за мир и дружбу» — близок и дорог людям.

На Кубе моей заветной мечтой было увидеть поэта Николаса Гильена.

Я читал его стихи, и мне ближе и роднее становилась эта удивительная земля. Я видел ее его глазами, чувствовал биением его щедрого сердца, любил его светлой любовью:

В Антильском, Антильском
море —
Карибским зовут его также —

Девушки-мачетерос.

Фото автора

КУБЫ

исхлестана злыми валами
и легкою пеной украшена,
под солнцем — оно ее гонит,
а ветер назад отгоняет,
а слезы живут только
в песне —
качается Куба на карте:
зеленая длинная ящерица
с глазами, как влажные камни.

Я встретился с ним в старинном особняке, где помещается сейчас Союз писателей Кубы. Я очень волновался. А он, покоряя своим обаянием, улыбался и словно всем существом своим говорил: да успокойся ты. И становилось просто и непринужденно.

Специально к фестивалю Николас Гильен выпустил книгу стихов, ее продавали с его автографами. Более трех тысяч песо передал он в фонд молодежного форума. Книгу поэт послал в подарок Фиделю Кастро. Но Фидель, выступая 28 сентября на закрытии съезда комитетов защиты революции, сказал с трибуны, что, хотя Гильен и подарил ему свою книгу поэм, он, Фидель, должен также внести 30 песо в фонд фестиваля...

Я уже несколько дней в пути по этой солнечной земле. Но память о встрече с Гильеном неотступно следует за мной, постоянно вижу я его перед глазами, как он сидит, мудрый и поседевший от болей и радостей земных, поэт, познавший суть бытия, поэт, любимый всем народом — певец свободной Кубы.

* * *

У проходной ромового завода меня встретил Хосе Альберто Мильян — секретарь первичной организации Союза молодых коммунистов Кубы.

— У нас работает много молодежи,— сказал он.— Когда мы узнали, что XI всемирный фестиваль молодежи и студентов будет на Кубе, то провели собрание и наметили план подготовки к фестивалю.

Каждый отработал одну смену бесплатно, и сдали четыре с лишним тысячи песо. Любит наша молодежь рисовать, лепить из гипса и глины, плести корзины. При заводе организована выставка этих изделий. Они продаются, а некоторые будут преподнесены в подарок делегатам.

К нашей беседе внимательно прислушивался человек лет пятидесяти. Это был второй секретарь первичной организации завода Ромарико Альварес.

— Фестиваль — событие огромной важности для молодежи Кубы,— сказал он.— И партийная организация четко реагирует на все вопросы молодых. Совместно организовали мы на заводе уголок советско-кубинской дружбы. Здесь портреты Ленина, Брежнева, фотографии, книги, значки, рассказывающие об успехах вашей прекрасной страны...

* * *

Самолет наш летел вдоль ослепительно белой береговой линии на север. С борта Ил-18 Сантьяго-де-Куба похож в окружении гор Сьерра-Маэстра на большую чашу олимпийского стадиона. Пройдет несколько месяцев, и он радостно примет гостей и посланцев фестиваля. Слева от города играла бирюза, синь и зелень океана, а справа проплывали зеленые фонтаны королевских пальм и квадраты ухоженных полей. Непривычно красная в лучах солнца земля Кубы, казалось, дышала теплом и светом. И невольно снова пришли на память стихи прекрасного Гильена:

А небо над ней, как чудо:
ни грома, ни туч, ни бурь.
Ах, Куба, скажи мне, откуда,
Ах, Куба, скажи мне, откуда
взяла ты эту лазурь?

Новых встреч и друзей тебе, Сантьяго-де-Куба, героический и гостеприимный, новых встреч и друзей тебе, солнечный остров Свободы!

Гавана — Москва.

Академик Н. Н. Блохин вручает Камалю Джумблату международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами».

ПАМЯТИ КАМАЛЯ ДЖУМБЛАТА

Арабская и международная демократическая общественность широко отметила 60-летие со дня рождения Камаля Джумблата — видного деятеля арабского национально-освободительного движения, основателя Прогрессивно-социалистической партии Ливана, признанного лидера национально-патриотических сил этой страны.

Джумблат не дожил до своего юбилея. 16 марта прошлого года мир узнал о злодейском убийстве замечательного сына ливанского народа. Оно было совершено в тщетной надежде сорвать процесс нормализации обстановки в Ливане, ввергнутом империалистами и их пособниками в длительную, кровавую междоусобицу.

На протяжении многих лет Камаль Джумблат выступал за демократию и социальный прогресс ливанского народа, был горячим поборником антиимпериалистического единства арабов, одним из руководителей борьбы ливанского народа против господства колонизаторов, за независимость и свободу своей родины. Многие годы он являлся членом парламента, в разное время входил в состав ливанского правительства. Как государственного деятеля его отличали честность и принципиальность, вызов всему, что было связано с политикой компрадорской, коррумпированной буржуазии.

Джумблат говорил, что отношение к судьбе и борьбе многострадального арабского народа Палестины является в арабском мире мерилом последовательности в борьбе против империализма. Джумблат не только выдвинул этот критерий, но и являлся его ярким выразителем и проводником в жизнь. Он был Генеральным секретарем Арабского фронта поддержки палестинской революции, объединившего в своих рядах представителей революционно-демократических, коммунистических и других национальных партий и организаций стран Арабского Востока.

Имя К. Джумблата получило широкую известность за пределами Ближнего Востока. Он стоял у истоков движения солидарности народов Азии и Африки, неоднократно избирался в состав руководящих органов Всемирного Совета Мира и Организации солидарности народов Азии и Африки.

Камаль Джумблат много сделал для развития взаимопонимания и дружбы между ливанским и советским народами. Он неоднократно бывал в нашей стране, живо интересовался советской действительностью и искренне радовался успехам созидательного, гигантского труда нашего народа.

Выдающийся вклад К. Джумблата в борьбу за дело мира и свободы был отмечен присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Преданность идеалам добра и социальной справедливости, бескомпромиссная и последовательная борьба за интересы и единство народных масс, против империалистической агрессии и диктата по праву выдвинули имя Камаля Джумблата в ряд таких славных борцов за освобождение и прогресс угнетенных народов, какими были Гамаль Абдель Насер, Амилкар Кабрал, Мариан Нгуаби.

А. ДЗАСОХОВ

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Редакция журнала «Огонек» просит Вас ответить на следующие вопросы:

1. Что Вам больше всего нравится в журнале!

____

____

____

2. Что, по Вашему мнению, нужно сделать для его улучшения!

____

____

____

____

____

3. О чем Вы хотели бы прочесть на наших страницах!

____

____

____

____

ЛИНИЯ ОБРЕЗА

МЕСТО
ДЛЯ МАРКИ

**101456,
МОСКВА,
А-15, ГСП,
БУМАЖНЫЙ
ПРОЕЗД, 14.
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ОГОНЕК».**

КОТ И ЛЕД

ПРЯМОЙ ФОТО-ТЕЛЕРЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЯ

Комментатор Н. БЫКОВ
Оператор Б. КУЗЬМИН

«Тише, мыши, кот на крыше»,—
Эта песенка стара.
Телеволны еще выше,
Заполняют дом с утра.

Кот-баюн оставил службу,
Не гоняет голубей,
Про любовь забыл и дружбу,
Занемог и занедужил:
Кот болеет за хоккей.

В бой, любимая дружина!
У борьбы накал высок.
Замер кот живой пружиной:
— Дриблинг — прессинг — пас — бросок!

В простоте не скажет «мяу»,
—Го-ол! — кричит,
И вновь молчок.
Лапой в помощь Владиславу
Прикрывает пятачок.

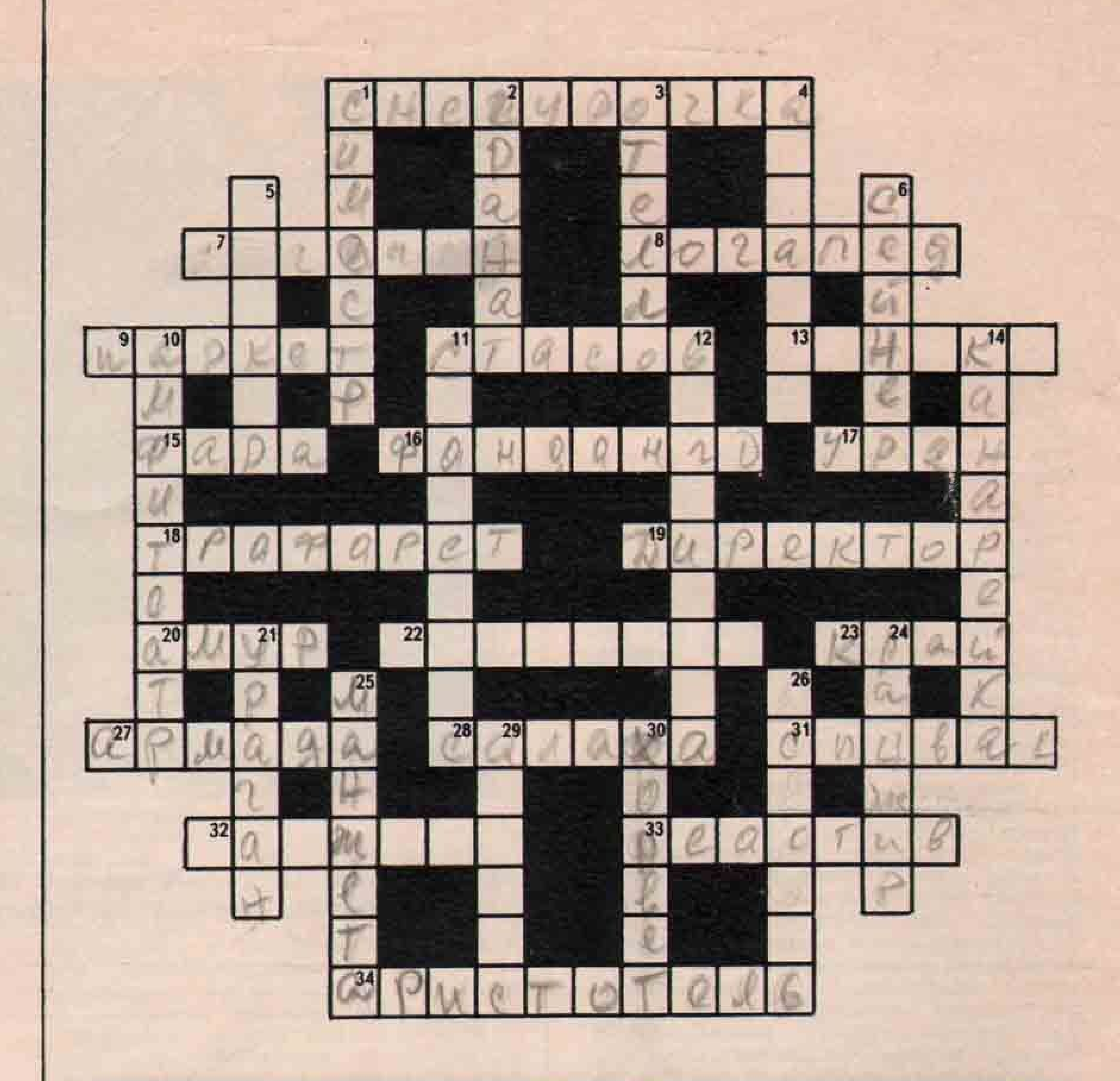
Драчуны, играя хуже,
Кулаки пустили в ход?
— Нам т а к о й хоккей не нужен,—
Выгнул спину строгий кот.

Шайба — та же мышь, признаться,
Но, понятно, без усов.
На любой б у л л и т канадцев
Когти есть!
(Да нет трусов,—
К сожалению, не всем
Выдают трусы и шлем.)

...Промелькнули шлемы, клюшки.
В старом кресле так тепло.
Только ушки на макушке!
Зажигается табло:

— С НОВЫМ ГОЛОМ!

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Героиня русской народной сказки. 7. Вулкан на берегу Гвинейского залива. 8. Специалист по исправлению недостатков речи. 9. Дощечка для пола. 11. Русский художественный и музыкальный критик. 13. Основной аккорд лада. 15. Фонарь с рефлектором. 16. Испанский народный танец-песня. 17. Химический элемент. 18. Шаблон, штамп. 19. Руководитель предприятия, учреждения. 20. Река в РСФСР. 22. Опера А. Н. Верстовского. 23. Административно-территориальная единица СССР. 27. Ряд арок, опирающихся на столбы или колонны. 28. Мелкая промысловая рыба. 31. Советский физик, академик. 32. Спутник планеты Юпитер. 33. Вещество, дающее характерную реакцию с другим веществом. 34. Древнегреческий мыслитель.

По вертикали: 1. Половина учебного года в вузе. 2. Южное плодовое дерево или кустарник. 3. Трагедия Шекспира. 4. Итальянский поэт. 5. Экс-чемпион мира по шахматам. 6. Рыболовное судно. 10. Места в зрительном зале. 11. Один из проливов, соединяющих Балтийское и Северное моря. 12. Автор книги «Люди с чистой совестью». 14. Птица. 21. Ветер разрушительной силы. 24. Построение в строю по росту. 25. Деталь мужской сорочки или женского платья. 26. Озеро в Казахстане. 29. Список, указатель, перечень чего-либо. 30. Парусный корабль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали: 3. «Булевар». 8. Сенегал. 9. Фуганок. 11. Цицеро. 12. Клумба. 14. Волга. 16. Копейск. 18. Барсова. 19. Красноречие. 22. Синкопа. 24. Аджария. 26. Фучик. 28. Лирика. 29. Иволга. 30. Сарафан. 31. «Флуераш». 32. «Темнота».

По вертикали: 1. Булахов. 2. Мазурка. 4. Ленивец. 5. Зегерс. 6. Калуга. 7. Момбаса. 10. Колокольчик. 13. Вокализ. 15. Авиация. 17. «Кража». 18. Бочка. 20. Скрипач. 21. Райграс. 23. Привал. 25. Диоген. 26. Фарадей. 27. Кислота.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Елка киевлянки Даши Федотовой.

Фото Н. Козловского

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

**Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 12/XII—1977 г. А 00450. Подп. к печ. 27/XII—1977 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 38. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1504.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото А. БОЧИНИНА

Адрес хоккейной площадки, которая так уютно расположилась среди восемнадцати домов-башен, в списке московских спортивных сооружений не числится. На ней не тренируются знаменитые хоккеисты и фигуристы, не проводятся международные соревнования. Но эта хоккейная арена, по всем правилам обнесенная прочными бортиками, имеющая точно установленную правилами поверхность льда, не простаивает и часа. С утра до позднего вечера идет на ней своя жизнь, и любой мальчишка Тимирязевского района Москвы не задумываясь назовет вам адрес этой спортивной площадки: улица Костякова, 17. Из всех домов, расположенных по соседству с обширным лесным заповедником Тимирязевской сельскохозяйственной академии, стекаются на эту площадку юные поклонники хоккея и фигурного катания. И хозяева площадки, ребята из спортивного клуба «Чайка», ни перед кем не закрывают ворота.

А началась известность пустыря, образовавшегося рядом с многоэтажными домами на улице Костякова, с того, что бортмеханик Ил-14 Александр Филиппович Безуглов, уйдя на пенсию девять лет тому назад, решил в четырех стенах не засиживаться. Александр Филиппович любил детей и избрал себе новую специальность — педагога-организатора.

Всю жизнь увлекаясь футболом, Александр Филиппович, конечно, начал с того, что собрал футбольную команду, благо под боком был Тимирязевский лесной заповедник, а точнее, один из районов этого заповедника—Дубки. Там-то и начал Безуглов тренировки и довел команду 14-летних подростков до победы в первенстве Москвы. Но чем же заниматься с ребятами, когда занесет Дубки снегом! Конечно, лыжным спортом. И, используя стадион «Наука», находящийся на территории Тимирязевского заповедника, Александр Филиппович стал водить туда ребят из своего микрорайона, и, забегая вперед, мы рады сообщить, что зимой 1977 года ребята из клуба «Чайка» победили на спартакиаде Тимирязевского района.

Но разве добились бы победы питомцы Безуглова на спартакиаде, если бы не научились играть в хоккей! Лыжня лыжней, но без льда какой же спортивный клуб! Так рассудили юные активисты клуба «Чайка», ну и, конечно, их всецело поддержал педагог-организатор. На бугристой самодельной площадке, по которой гоняли шайбу все окрестные мальчишки, было решено построить хоккейную арену.

И вот за эти три года хоккей стал любимым спортом ребят с улицы Костякова. С помощью шефов были приобретены хоккейные доспехи и коньки, один из жителей микрорайона, инженер Владимир Иванович Никитин, совсем неплохо стал справляться с обязанностями тренера, а теперь он получает пополнение, да еще какое! Его питомец Андрей Тишков, проявив большие способ-

Костя Самойлов — непробиваемый вратарь.

ПРАЗДНИК КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Александр Филиппович Безуглов обходится без хоккейных доспехов.

В зрителях недостатка нет.

Адрес хоккейной площадки — улица Костякова, 17.

ности, был зачислен кандидатом в молодежную сборную СССР, летал даже за океан и теперь будет тренировать команду двенадцатилетних костяковцев.

Конечно, без помощников Александр Филиппович Безуглов никак не мог бы справиться, но в помощниках у него недостатка нет. Среди жильцов микрорайона немало знатоков различных видов спорта. И вот гравер типографии Евгений Владимирович Меникер занимается с ребятами общефизической подготовкой, технический смотритель жэка Рафик Менаждинов обучает их стрельбе. Но когда стал вопрос о фигурном катании, своих Родниных в домах по улице Костякова не обнаружилось, и жильцы решили пригласить платного тренера. Так появилась на ледяной площадке Ирина Анатольевна Митронина.

Но до славы хоккеистов фигуристам еще далеко. Пока среди учеников знаменитых тренеров Чайковской и Тарасовой фигуристов с улицы Костякова нет, а два брата Мутовкины, Сережа и Юра, хоккеисты, в свое время были приняты в знаменитый клуб ЦСКА, да и их менее счастливые сверстники однажды добились немалых успехов — заняли второе место среди всех жэковских команд, уступив только хоккеистам из Черемушек...

Из окон многоэтажных домов хорошо видна спортивная площадка, все, что на ней происходит. Как манит она к себе молодых жителей этих домов! Для них теперь каждый день праздник.

В. ВИКТОРОВ

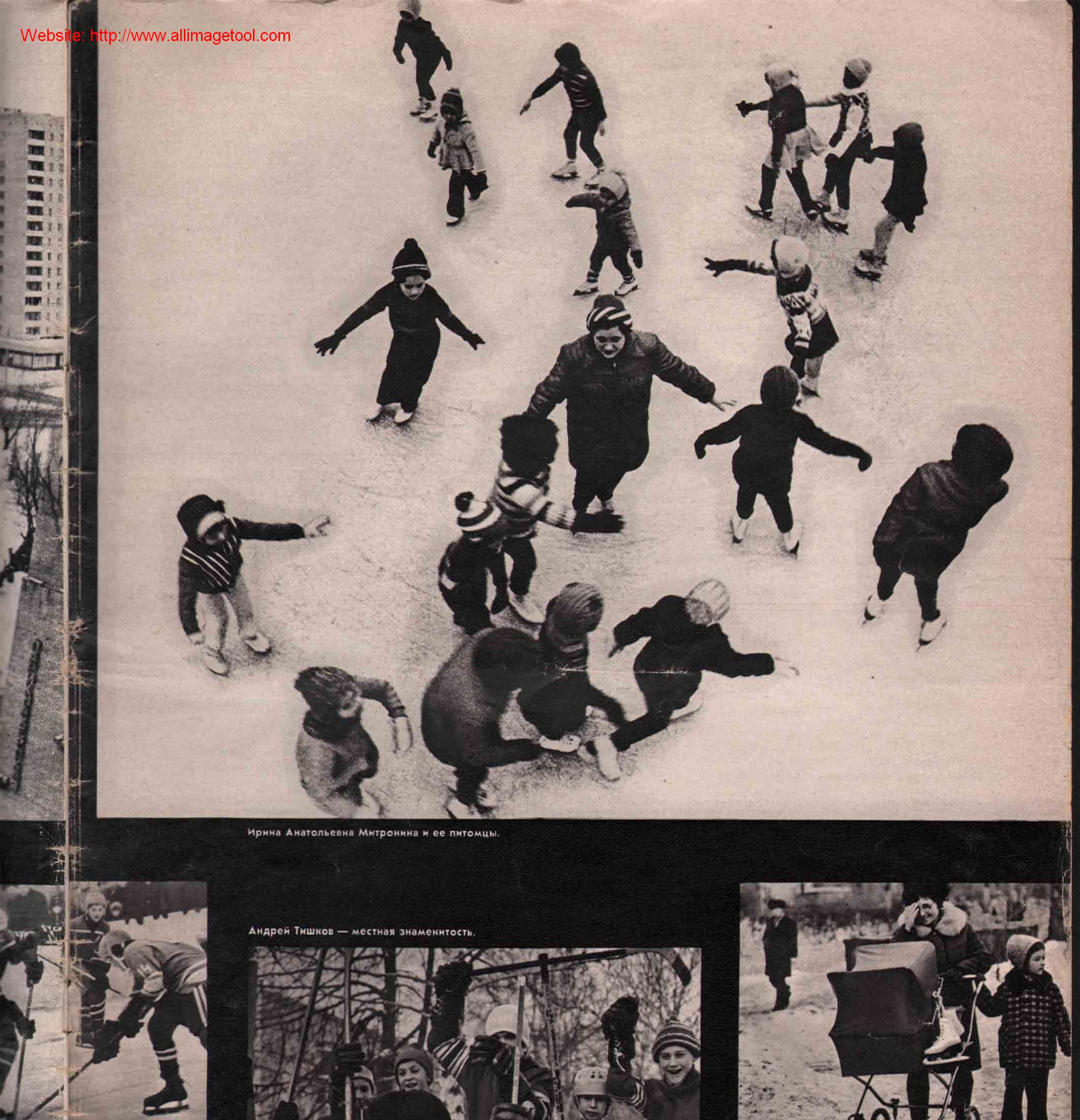
Две Леночки.

Шайба на льду.

Ирина Анатольевна Митронина и ее питомцы.

Андрей Тишков — местная знаменитость.

Мама, дочка и коньки...

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663